

САША КАНЕС

Женский выбор

Роман в трех частях

Саша Канес
Женский выбор

«Литео»

2017

УДК 82/821-821.161
ББК 84-4

Канес С.

Женский выбор / С. Канес — «Литео», 2017

ISBN 978-5-00071-909-1

Маленькой девочке цыганка предсказала гибель в морской пучине. Прошли годы бурной и несправедливой жизни, и предсказание исполнилось. Через весь роман красной нитью проходит история странной любви Ханан и Олега. Их жизнь, равно, как и жизнь других персонажей, населяющих роман, полна приключений, тревоги и борьбы. На каждом шагу приходится делать выбор. Это – выбор своего пути, выбор спутника, выбор судьбы. И выбор всегда остается за женщиной!

УДК 82/821-821.161

ББК 84-4

ISBN 978-5-00071-909-1

© Канес С., 2017

© Литео, 2017

Содержание

Часть первая	6
Москва – Коломна – санаторий	6
Сосед по парте	14
Страсти по маме	22
Идеалы и реальность	29
Снова за одной партией	42
Замуж – туда и обратно	47
Бутылочка в «Дикообразе»	51
Эфирная жизнь	61
Великий и гениальный	69
Москва – Таба – Дахаб	74
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Саша Канес

Женский выбор

© С. Канес, 2017

© "Литео", 2017

* * *

*Инне Владимировне Мединской – моему самому верному и самому
доброжелательному читателю!*

Часть первая Жизнь без спроса

Москва – Коломна – санаторий

Маша эсэмэской сообщила мне, что добралась нормально, и больше не звонила.

После отъезда дочери сразу стало тоскливо и очень одиноко. Думаю, мои чувства может понять и разделить большинство женщин, матерей неожиданно выросших дочек и сыновей. Когда вы молоды и детей у вас еще нет, вам очень странно, что в вашей жизни может появиться некто, совершенно незнакомый, и этот некто тотчас изменит все течение ваших дней, вмешается во все без исключения ваши дела, нарушит многие планы и оставит свершение многих ваших планов и надежд. И при всем этом этот кто-то будет для вас роднее и ближе всех на свете. А потом в один прекрасный миг вы поймете, что ваше дитя выросло, прекрасно обходится без вас, а вы можете продолжить все то, что не успели совершить в юности. Но вместо радости от обретенной свободы на вас наваливается лишь тоска. Былые увлечения кажутся нелепыми и убогими, мечты тускнеют, и требуется немало сил, чтобы заставить себя по-настоящему что-нибудь захотеть. Во всяком случае, так было у меня.

На самом деле Маша выросла уже давно. Еще до того, как ей исполнилось десять, я знала, что у нее на все имеется собственное мнение. Позже мне пришлось смириться и с тем, что у моей дочери в восемнадцать лет наряду с просто приятелями появился бойфренд, с которым она в соответствии с современными веяниями совершенно в открытую жила несколько месяцев под одной крышей. На смену первому бойфренду пришел другой, потом – следующий... Временами я даже жалела, что слишком рано предоставила ей собственную квартиру, которую мне удалось приобрести в кооперативе у пожилой пары, отбывающей на ПМЖ в Германию. Но, какой бы самостоятельной Маша ни была, больше чем на несколько дней мы с ней не расставались. Всего несколько раз в жизни я уезжала куда-то одна и оставляла ее на маму. И всегда жалела об этом – без Маши мне путешествовать не нравилось, я старалась брать ее с собой даже в командировки. И она тоже ездила всюду только со мной. До этого раза... Но что делать? Всегда что-то происходит впервые.

И вот десять дней назад моя уже совсем взрослая дочь сообщила, что устала от московской зимы и в самый разгар волнений и погромов отправляется на Синай учиться дайвингу. Разумеется, она не спрашивала моего разрешения и даже не советовалась, просто поставила перед фактом. Революционные события на каирской площади Тахрир ее не волновали:

– На Синае все спокойно. Народу мало. Цены из-за этого бардака низкие, а я должна развеяться! Поеду, наконец, научусь нырять.

Вот так вот. И уехала.

Я все понимала, но все равно места себе не находила и банально не знала, что мне делать и чем себя занять.

В результате я приняла самое простое решение – поехать к маме, отдохавшей под Коломной в санатории «Коробчеевский».

Мама после того, как осталась одна, очень резко сдала. Как-то внезапно начались проблемы со всем: стало скакать давление, появилась изжога, из почек посыпался песок... Но вроде ничего страшного, операции никакие не нужны. Врачи выписали кучу разных таблеток, порекомендовали диету и умеренную физическую нагрузку. Но несмотря на все заявле-

ния мамы, что культурному человеку никогда не может стать скучно и что ей всегда есть что делать, образ жизни ее оставался самым что ни на есть унылым.

Убедившись, что гулять в соседний парк мама под разными предложениями не ходит, минеральную воду не пьет, а вместо овощного салата ест гадость из мороженых полуфабрикатов, я решила отправить ее поправлять здоровье в какой-нибудь санаторий.

Процесс уговоров оказался трудным и почти невыносимым. Мама напрочь отказалась оформлять заграничный паспорт. Она заявила, что может уверенно чувствовать себя только в России, причем обязательно неподалеку от родного дома, а точнее, просто в этом самом родном доме. На борьбу с ее упрямством было потрачено немало моих сил и все без всякого толку. Я уже было совсем отчаялась, но внезапно мама услышала по радио рекламную информацию про санаторий «Коробчеевский», образованный на месте бывшего пионерского лагеря. Услышав это название, она смягчилась, словно ее что-то там заинтересовало. Хотя что там могло особо заинтересовать? Располагалось это чудо профилактической медицины на берегу Оки, и пребывание в нем стоило столько, что мне же пришлось врать, называя цену в пять раз меньшую, чем на самом деле. Зато теперь мама, проживая в санатории за деньги, которые не снились никакому Баден-Бадену, радовалась, что сэкономила мне кучу денег, отвергнув Карловы Вары и Марианские Лазне. Хорошо было, впрочем, хотя бы то, что обслуживающий персонал санатория в большинстве своем состоял из молдаван, которые очень дорожили своей работой и старались как могли.

В общем, нет худа без добра: Коломна все-таки ближе чем Баден-Баден, и я могла запросто навещать маму в течение всего месяца, который ей предстояло там пробыть.

Я сама отвезла маму в санаторий две недели назад. Поездка получилась очень тяжелой. Мне казалось, что если выйду из дома в шесть утра, а в шесть пятнадцать заберу маму, то к восьми тридцати мы будем уже в санатории. Но не тут-то было! В шесть тридцать утра мы попали в пробку на МКАДе и только к одиннадцати добрались до поворота на Новорязанское шоссе. Коломну мы миновали в четыре часа дня, но уже оттуда за полчаса добрались до места.

Всю дорогу мама молча вздыхала. Только один раз, когда мы остановились возле маленького придорожного магазинчика, чтобы купить чего-нибудь пожевать, она заметила, что культурные люди во всем мире сейчас отказываются от личного автотранспорта, чтобы не наносить ущерба окружающей среде.

– Вся Европа сейчас ездит на велосипедах, – поведала мама мне.

– А ты откуда знаешь? – разозлилась я. – Ты же не то что там не была, но даже заграничный паспорт делать отказалась.

– Не нужно ерничать, Аня! – покачала она головой. – Я смотрю телевизор и читаю газеты.

– В советское время, мама, те, кто читали газеты и смотрели телевизор, могли с интересом узнать, что живут в обществе всеобщего процветания.

– Нам всегда всего хватало, – заметила мама. – Ты забыла, какой богатой интеллектуальной жизнью жила наша семья? В нашем доме всегда было пиршество духа!

На это я решила не отвечать. Если бы я сказала, что думала про «пиршество духа» в нашей семье, мама могла потребовать вернуть ее в город.

После недавней оттепели ударили морозы и навалило кучу снега. Нечищенная дорога была коварной, местами очень скользкой.

– Хорошо бы мы с тобой смотрелись здесь на велосипедах! – не удержалась я. – Ты вообще, мамуля, когда в последний раз на велосипеде ездил?

– Обрато мы поедем на электричке! – отрезала мама. – А от вокзала поедем на метро... как все...

– А от санатория до станции?

Мама и здесь нашлась.

– Наверняка есть какой-нибудь автобус, на котором приезжают сотрудники. Мы спросим и поедem... как все.

– А если расписание не будет стыковаться и мы застрянем на два часа на вокзале?

Честно говоря, меня смертельно тошнило от этого разговора!

– Если придется ждать, мы подождem...

Мне было не только прекрасно известно, что она ответит, но я знала даже, каким тягучим поучающим тоном мама это произнесет. И закончила она тоже, как и должна была закончить:

– Люди же ждут! Чем мы лучше людей?..

Эти до боли ожидаемые слова загнали меня в такую тоску, в такой ступор, что я так и не задала маме тот самый важный вопрос, который волновал меня долгие годы. Я хотела узнать, почему мама вышла замуж за отца? В этой загадке, я уверена, заключается не только тайна моего рождения, но и тайна моего идиотского замужества. Единственным смыслом родительского брака, на мой теперешний взгляд, явилось появление на свет их внучки Маши. Понятно, что, если бы мама с папой не поженились, то ни меня, ни Маши не было бы. Выходит, я просто обязана радоваться их браку! Но ведь мама не знала меня, когда сделала свой выбор, она не знала Машу и ее будущих детей. Сложись все по-другому, вместо меня родился бы кто-то другой – может, хуже, а, может, лучше, чем я, неважно. Другая девочка или другой мальчик. Другой! И Маши бы не было... Бр-р-р! Невозможно себе такое даже представить! Меня всю передергивает при подобной мысли.

Много лет назад у меня имелся ухажер – Сеня Жапцов. Мышление у него было странное, но нестандартное, это уж точно. Одна из его излюбленных тем касалась отсутствия сослагательного наклонения в истории. Он считал, что своему появлению на свет мы обязаны не только собственным родителям, но и всему, что происходило в мире до мгновения нашего зачатия.

– А че, вот все на Гитлера да на Сталина катят? – вопрошал он. – Понятное дело, изверги, убивцы. Но коли они бы весь мир раком не поставили, то и нас бы всех не было. Ни тебя, Анька, не было бы, ни меня! Не было бы ссылок, эвакуаций, фронтов и лагерей – все бы наши дедушки с нашими бабушками по-другому распределились бы. И не нашими бы бабушками, и не нашими бы дедушками они бы стали. Другие тети с другими дядями трах-трах бы делали! Другие, прости, сперматозоиды с другими яйцеклетками соединились бы и, что?! Пиздец – ни Ани, ни Сени!

Спорить с Сеней было невозможно: какие бы раздражающие тезы он ни изрекал, они были по сути бесспорны. Все равно после этого разговора я твердо решила, что ему не отдамся. И не отдалась. Впрочем, если быть предельно честной, то придется признать, что он и не просил особо... И ладно! Не хватало еще, чтобы у Маши вдобавок к придурку-отцу появился бы еще и циник-отчим.

Но вопрос о том, как и почему мои родители оказались вместе, только укрепился. Я твердо решила задать его маме по дороге в санаторий. Но опять не задала из-за дурацкого спора о транспортной проблеме.

И вот теперь я в выходной специально ехала в санаторий, чтобы, набравшись мужества, задать маме свой вопрос. Конечно, я убеждала себя, что в первую очередь еду навещать свою мамулю, родную и единственную, но... честно говоря, получить ответ мне было важнее всего.

Убедив себя, что дело не в патологическом послушании, а в том, что я сама хочу избежать пробок, я решила поехать, как настаивала мама, на электричке.

Плевать на то, что сейчас зима и собачий холод! Оденусь потеплее – и вперед! (На самом деле еще тогда, когда я отвезла в санаторий маму, я переписала висящее на стене расписание автобусов, следующих в Коломну и обратно в санаторий.)

Заглянув в Интернет, я увидела, что, кроме обычной электрички, до Коломны можно добраться на фирменном экспрессе «Москва – Рязань». Экспресс этот отправляется с Павелецкого вокзала в семь пятнадцать утра и имеет совершенно непонятный статус. С одной стороны, он не пригородная электричка, а потому билеты на него ни в автоматах, ни в пригородных кассах купить невозможно. С другой стороны, полноценным поездом дальнего следования он тоже не является, и кассы дальнего следования не ведут на него предварительной продажи билетов. В результате мне пришлось лично покупать билет на этот поезд-урод непосредственно перед отправлением.

Я приехала на вокзал за сорок минут до отхода экспресса – и оказалась последней, кому достался билет. За три минуты до отхода поезда единственная касса прекратила работу, и я с трудом прорвалась к платформе сквозь разъяренную толпу несостоявшихся пассажиров. Вагоны не заполнились даже наполовину, но состав неумолимо отправился в свой неоплаченный путь.

Так что лично мне повезло уже с самого начала. На бегу помахав оранжевым билетом перед носом у контролера пригородной платформы, я добежала до вагона первого класса и плюхнулась в кресло буквально за секунду до отправления.

Состав вздрогнул и поплыл из-под дебаркадера. Я не помнила, когда в последний раз путешествовала по железной дороге. За последние годы привычнее стал самолет и автомобиль, будь он неладен! Проезд до Коломны в моем первом классе стоит почти двадцать долларов за полтора часа езды в условиях сомнительного комфорта. Кресло узкое, хуже, чем в салоне экономического класса в старой «Тушке», столик накрыт уродливой нечистой скатертью. Подошла проводница – неприветливая сухопарая тетка лет тридцати пяти и еще раз проверила мой билет. На входе в вагон она уже посмотрела на него, но теперь еще и сверила записанные в нем данные с моим паспортом. Придаться было не к чему, и она выпалила, словно выпустила пулеметную очередь:

– Чай, кофе, пиво, напитки, орешки будете?

Вспомнились те далекие времена, когда меня возили в настоящем поезде на юг к морю. Больше суток мы с родителями ехали в купейном, а иногда в плацкартном вагоне. Мне до сих пор порой снится та дорога. И снится тот чай, как теперь говорят, *тот самый* чай, что разносили проводники. *Тот самый* чай был красновато-коричневый, обжигающе горячий в стеклянном тонком стакане, вставленном в фирменные жестяные подстаканники. Теперь я, конечно, уже знаю, что прекрасный цвет обеспечивался в том числе содой, добавляемой проводниками в дефицитную заварку. Но тогда я коммерческих тонкостей не знала, и, слава богу. Мне так радостно вспоминается, как позвякивали в стаканах ложечки, когда вагон покачивался или вздрагивал на стыках пути...

Я размечталась, а проводница нетерпеливо и сердито пялилась на меня своими водянистыми глазами.

– Ну, так с чаем-то чего? Будем чай или как?

– Чай?! Конечно, буду! – воскликнула я, переполненная ностальгическими эмоциями.

Но, увы, вместо массивного чайного прибора передо мной возник белый полиэтиленовый стаканчик с горячей водой. Пакетик с так называемой заваркой проводница положила рядом прямо на скатерть.

– С вас двадцать пять рублей. Печенье будете?

Я помотала головой. Какое к черту печенье? Буду талию отращивать.

Попыталась было заварить чай, но получила на выходе лишь сто пятьдесят граммов помоев. Кроме того, что мне не дали вожеленного стакана с подстаканником, вода в убо-

гой пластиковой таре была слишком холодной для того, чтобы экстрагировать хоть что-нибудь из бурого порошка в заварном пакетике. С другой стороны, даже к лучшему, что вода оказалась еле теплой: вагон внезапно трянуло на стыке так, что неустойчивый стаканчик опрокинулся, и его бледно-желтое содержимое пролилось не только на столик, но и на мои колени, которые я не успела убрать. Был бы там кипяток, я бы ошпарилась! Та же беда постигла и моих немногочисленных попутчиков, опрометчиво воспользовавшихся ненавязчивым железнодорожным сервисом. Тощая проводница злобно смотрела из дальнего угла на то, как по скатертям и креслам расплзаются чайно-кофейные пятна. Разумеется, ей даже в голову не пришло взять тряпку и прийти пассажирам на помощь.

Остаток пути я смотрела в экран подвешенного надо мной телевизора. Безусловно, в детстве моем такого атрибута в поезде не было – а сейчас я прослушала огромное количество новостей, в первую очередь, о революционных событиях в Тунисе и в Египте.

Главный железнодорожный вокзал в Коломне носит название «Голутвин». Именно на нем и останавливаются экспрессы. Когда состав замедлил свой ход, я и еще двое пожилых людей, видимо, семейная пара вышли в тамбур. Туда же проследовала и угрюмая проводница. Поезд остановился, но пневматические двери передо мною лишь беспомощно вздрогнули. Между прорезиненными створками судорожно наметилась неровная щель, после чего створки со стоном замерли.

– Вот зараза! – выругалась проводница.

Я попыталась с усилием подтолкнуть одну из створок.

– Да, заклинило ее – толкай, не толкай! Гидравлика замерзла от холодины этой!

– Действительно, зимние холода в России – эка невидаль! – проговорила я, не прекращая попытки разомкнуть двери.

Спустя десять секунд до моих ушей донеслось объявление, что экспресс сейчас отправится дальше в ненужную мне Рязань. Времени на преодоление техногенной катастрофы не оставалось. Через обледеневшую буферную площадку я проскочила в соседний вагон, где, на мое счастье, двери, хотя и замерзли точно так же, как наши, застряли они не в закрытом, а в открытом положении.

Едва устояв на ногах, я вылетела на негостеприимную и скользкую голутвинскую платформу. Поезд сразу ушел. Я увидела сквозь промерзшее стекло ошарашенные лица так и не сумевших выйти наружу попутчиков. Бедолаги! Им предстоит долгий и бессмысленный путь в Рязань, а потом пожилым людям еще придется непонятно как возвращаться в Коломну. Но, увы, помочь им было нечем, и я направилась на привокзальную площадь.

До отправления нужного мне автобуса оставалось без малого сорок минут. Я попробовала нанять машину, но такси на привокзальной площади отсутствовали напрочь, и, к моему удивлению, ни одного готового ехать куда-либо частника также не нашлось. Поэтому я решила не суетиться и зайти в расположенный прямо на площади «Макдоналдс» выпить горячего кофе. Коломенская автобусная станция примыкает к железнодорожному вокзалу, и, что особенно важно, из огромного «макдоналдсовского» окна остановка нужного мне автобуса просматривалась прекрасно.

Огромный зал в этот ранний час пустовал. Посетителей почти не было, если не считать нескольких ослабевших после ночной гулянки тинейджеров и неопределенного возраста полной женщины, грустно взиравшей через заиндевевшее окно на морозный рассвет. Женщина так и не сняла с себя дубленку, но чтобы не запариться, расстегнула все пуговицы, открыв безвкусное синее платье. На голове унылой дамы красовалась огромная вязаная шапочка-шар с торчавшим во все стороны пухом. Этот очень популярный в России дамский головной убор замечателен тем, что он не идет решительно никому и уродует даже тех женщин, которые и без него страшнее атомной войны. При этом полстраны носят эту гадость, не снимая.

Как бы плохо я ни относилась к сетям быстрого питания, вынуждена признать, что горячий капучино в картонном стаканчике удастся «Макдоналдсу» все же лучше, чем поданный мне в поезде чай в стаканчике полиэтиленовом.

Я скинула куртку, повесила ее вместе с сумкой на крючок и расположилась на равном отдалении от неказистой дамы и от приходивших в себя молодых людей. Со своего места я могла следить через окно за автобусами.

Перед тем, как купить себе кофе, я посетила дамскую комнату и не без удовлетворения осмотрела себя в зеркале. Для своих... в общем, для своего возраста я выгляжу еще неплохо. Что касается фигуры, то, слава богу, мне без особых усилий удастся удержаться, если не на классических «девяносто-шестьдесят-девяносто», то все равно на очень достойном уровне. Скажу честно, не моя заслуга, – гены так сложились. До сих пор не понимаю, почему мама всю жизнь убеждала меня, что на свою внешность я рассчитывать не должна. И, ведь, на подсознательном, даже, уровне убедила! До сих пор живу в ощущении, что я – серая мышь. А еще до меня мама зачем-то убедила и себя саму в том же самом. Немного в мире более красивых женщин, чем моя мама. Но она потратила невероятные усилия на то, чтобы всем – манерой одеваться, обстановкой в доме и всем своим образом жизни – никак не выделяться из серого стада. И особенно «удачным» шагом для поддержания убогого имиджа стал загадочный для меня ее брак с папой!

Наскоро приведя себя в порядок, я вернулась за столик. Не успела я сделать двух глотков, как в кафе неуверенной спотыкающейся походкой вошел замурзанный мужичок. Из-за его крайней задрипанности возраст на взгляд было не определить, наверное, в диапазоне от тридцати пяти до пятидесяти лет. Оглядевшись по сторонам, он подошел к стойке, взял себе колу со сладким пирожком и направился к моему столику.

– Вы Аня? – спросил человек, скептически осмотрев меня с головы до ног.

Я удивилась, но кивнула утвердительно.

– А я, стало быть, Пьер! Как бы это сказать: прошу любить и жаловать!

– Пьер Безухов?

– Почему Безухов? Какой Безухов?

Почему-то мужчина взволновался, чуть ли не обиделся, но это не помешало ему поставить на мой столик свой поднос и шлепнуться на диван напротив.

– Шепелевич моя фамилия!

Фамилия Пьеру подходила. Обладая некомплектным набором гнилых прокуренных зубов, он, и в самом деле изрядно шепелявил.

– Пьер Безухов – это персонаж книги «Война и Мир» Льва Николаевича Толстого.

Он понимающе замотал уродливой плешивой башкой.

– То есть вы пошутили, как бы это сказать?

– Как вы догадливы!

– Это хорошо, что вы книжки читаете. Я, как бы это сказать, тоже книжки люблю, мы же с вами культурные люди, Анна! Оба с... ну, в общем, с образованием. Я люблю, чтобы женщина была культурная и за мужчиной, как бы это сказать, тянулась.

Я терялась в догадках, откуда взялся этот урод и что он от меня хочет. Впрочем, те полчаса, что мне предстояло ждать транспорта, Пьера Шепелевича можно было и потерпеть. Хрен знает, откуда он узнал мое имя, но, главное, чтобы не слишком приближался. Я давно уже избавилась от детской близорукости, и слишком хорошо видела его гнилой рот. От эдакого зрелища капучино мог пойти не в то горло.

– Я вообще-то, как вы, наверное, догадываетесь не Пьер, конечно! «Пьер» – это мой, как бы это сказать, ник такой. Я Пьер, а в паспорте – Пал Романыч, как бы это сказать, Павел Романович Шепелевич.

Гордо назвавшись, он жадно отпил из своего большого красного стакана. Сладкая бурда с унитажным журчанием потекла внутрь организма Павла Романовича.

– Я надеюсь, вы согласны, что мы платим каждый за себя? – внезапно спросил он, вытирая губы тыльной стороной ладони.

– Не вижу, честно говоря, никакой альтернативы.

– Чего не видите?.. Ах да... Понял, не возражаете, значит... Естественно!

Он удовлетворенно кивнул и укусил пирожок. Пирожок сбоку лопнул, и сладкая начинка брызнула на стол. Пьер подцепил горячий джем пальцем и задумчиво облизал его.

– Моя мама всегда говорила, – промолвил он, – что я не должен допускать женщин паразитировать на себе. И я, как бы это сказать, сразу хочу предупредить: у нас с вами, Анна, ничего не получится, если вы считаете, что в моем лице нашли такого, как бы это сказать... спонсыря, что ли... ну, в общем такого, вот, при котором вы можете теперь ничего не делать и все вам будет, как сыр по маслу.

Я свой капучино уже допила, и внимала речам задрипанного мужичонки исключительно из любопытства.

– Это мама меня Пьером называла, кстати. И я подумал, что вам, как бы это сказать, я тоже разрешу ко мне так демократично обращаться, а не то чтобы исключительно Павел Романович, и все тут!

– Спасибо, – ответила я сдержанно.

И хотя я почти наслаждалась исключительной брутальностью свалившегося на мою голову кавалера, при упоминании мамы мне безумно захотелось удавить Поля каким-нибудь подручным средством, хотя бы шарфом.

– Да, да, я очень демократичный, – вновь похвалил он себя. – О чем может быть речь, если мы теперь будем в одной семье...

– Ого!

– Но это не сейчас, не сразу, конечно! – осекся он. – Я думать должен еще! Но скажу прямо: я вас как женщину не покупаю. Покупленная женщина она, как бы это сказать, навреде проститутки, я извиняюсь! Женщина должна сама работать и все для дома обеспечивать, чтобы, как бы это сказать, мужчине своему соответствовать... по уровню и вообще, так сказать... Правильно я говорю?

Я не ответила, зато обратила внимание на обращенный на нас взгляд той самой бесформенной тетки, что сидела у окна. Были в этом взгляде и тоска, и ревность и еще бог знает что. Издалека она вряд ли могла слышать нашу беседу. Но главный упрек, который читался в ее глазах, был адресован мне: «Вот, твой мужчина пришел, а мой – нет!»

Не дождавшись моей реакции, Пьер продолжил.

– Ведь вы же не хотите, чтобы я вас, как бы это сказать, купил?

– Что вы! Конечно, нет!

В очередной раз я кинула взгляд в окно и увидела, что на площадь, наконец, зарулил обшарпанный старенький автобус с закрепленной на лобовом стекле надписью «Санаторий». Это означало, что интересный разговор пора быстро заканчивать. Мой собеседник тем временем пытался развить свою мысль:

– Это хорошо, что вы, как бы это сказать, не рассчитываете за мой счет жить.

Я встала и начала надевать куртку. На лице его отразилось недоумение.

– Пойду, найду кого-нибудь, за чей счет можно жить. У тебя-то и счета нет, небось, никакого. Как бы это сказать! – передразнила я Павла Романовича. – У тебя денег нет даже на то, чтобы зубы себе вставить. Вонючий бездельник!

Мой собеседник выпучил глаза. Похоже, последний кусок пирожка застрял у него в глотке на полпути к кадыку. Перед тем, как выйти из зала, я громко окликнула толстую тетку у окна:

– Женщина! Извините, вас случайно не Аней зовут?

Та резко дернулась и закивала.

– А что вам?

– По интернету свидание назначали с мосье Пьером?

– Не-а... не по интернету... так, по службе знакомств я...

Я торжественно указала ей на приبلудного кавалера.

– Забирайте! Рекомендую: полное уё...ище! По ошибке вместо вас ко мне подсел. Я тоже Аня – отсюда и путаница.

Последнее, что я увидела, повернувшись на выходе, был затравленный взгляд измученной одиночеством дамы, брошенный на онемевшего от потрясения кандидата в женихи.

– Ах ты, с-с-ука! – шепотом произнесла я уже на улице.

До сих пор не понимаю, кого я тогда имела в виду – себя или кавалера, назначившего романтическое свидание ранним утром в привокзальном «Макдоналдсе» города Коломны? Неважно! Я расхохоталась. Не перевелись еще романтики и джентльмены в нашем отечестве! Хотя над кем я смеюсь, собственно? Чем я лучше или, точнее, успешнее этой неказистой бабы в пуховом шаре на дурьей башке? Да, я на несколько лет моложе, да, я сохранила гладкую кожу и талию, да, на мои сиськи еще засматриваются на пляже пацаны вдвое моложе меня. А толку-то что? Меня что, кто-то любит или хотя бы хочет купить или содержать? Чем был лучше этого гунявого ублюдка мой недавний любовник-финансист, который, едва кончив, шарил руками в поисках мобильного? Зубы, правда, у него в порядке, и не вонял он так... Но в остальном – то же говно!

Несколько дней назад мне довелось поговорить по душам с собственной дочкой Машей. Тогда, предавшись воспоминаниям, я, к ужасу своему, осознала, что за всю жизнь у меня был единственный приличный ухажер. И то еще в школе. И мне самой непонятно, какого черта я с ним рассталась!

С вновь нахлынувшими воспоминаниями об однокласснике Олеге Точилине я влезла в полупустой автобус. Через минуту водитель закрыл двери, и мы, поскрипывая, потащились из центра провинциального городка на окраину и дальше – к мосту через Оку. К десяти утра я надеялась уже быть на месте.

Сосед по парте

Я познакомилась с Олегом Точилиным первого сентября, в самый первый школьный день. Он стал моим соседом по парте.

То, что творилось в моей жизни до школы, я помню смутно и фрагментарно, наверное, как и большинство людей. В садик я не ходила. Я была не «детсадовским» ребенком, так как часто простужалась.

Идея «фикс» моих родителей заключалась в том, чтобы ничем не выделяться из окружающей среды, – и меня с гордостью отдали в ближайшую к нашему дому самую паршивую школу. Она не только отличалась дурной репутацией, но была, в довершение всего, восьмилеткой. Это означало, что после восьмого класса все дети должны были искать, где им доучиваться оставшиеся два года. В соответствии с веяниями застойной эпохи большинство тинейджеров пытались отправить в ПТУ или в техникумы.

Но мне было только семь лет, и о таком отдаленном будущем никто особо не размышлял. Разумеется, отправить меня учиться именно в эту помойку решила именно мама. Она же и озвучила решение от имени всех взрослых членов семьи:

– Ты не должна жить в теплице!

Впервые эти слова она сказала мне именно в тот день, когда они с папой записали меня в первый класс.

– В жизни не всегда удастся выбирать. Интересно может быть в любой школе. Ты должна научиться ладить с любыми учителями, с любыми одноклассниками! Правда, Борюсь?

«Борюсь» – так звала она моего отца и, разумеется, своего мужа Бориса. Мой отец, то есть Машин дедушка, Боря был программистом. Внешне ничем не примечательный невысокий и лысоватый очкарик, он вечно витал в своих важных рабочих мыслях. Меня он, может быть, и любил по-своему... без отрыва от производства, так сказать, но больше всего на свете его интересовали электронные вычислительные машины, или ЭВМ, как тогда назывались в Советском Союзе компьютеры.

При этом главным объектом его обожания была моя мать. Ей он подчинялся беспрекословно и заведомо соглашался со всем, что она уже сказала и даже только хочет еще сказать.

Я очень хорошо помню, как он тогда поддержал маму.

– Конечно, Анюта, – кивнул отец. – Мама совершенно права! Главное – как ты сама организуешься и построишь свою работу.

Произнеся эту штампованную тираду, папа быстро и испуганно посмотрел на маму, чтобы убедиться, что он все сказал правильно. Мама кивнула.

– Вот слышишь, что говорит отец. Он закончил самую простую школу, но это не помешало ему поступить в институт и с отличием его закончить. А теперь он пишет диссертацию. И ведь в классе у него учились самые разные ребята. Но в жизни нам не приходится выбирать, жизнь – это не теплица, ее нужно принимать такой, какая она есть. Ты должна научиться выживать. Счастье – это дом. А вне дома мы должны быть как все. Не в том смысле, что рвать себе кусок, как все, а в смысле безукоризненности. Аня! Ты меня понимаешь?

Разумеется, я все понимала. Точнее, я не понимала ничего, но была заведомо согласна со всем, что говорила мама. Поэтому я радостно пошла в Первый Раз в Первый Класс и заранее убедила себя в том, что мне там очень понравится.

К семи годам я уже умела читать, писать, складывать и вычитать. Меня без особого труда выучила этому бабушка Рая, мамина мама, которая жила с нами в хрущевской «двушке». Ни мама, ни папа никогда не просили ее заниматься моим развитием, но нужно же было хоть чем-то меня занять, пока я сидела дома. По черно-белому телевизору очень редко

показывали что-нибудь интересное, а днем никаких программ не было вовсе. Оставалось только читать книжки и учиться у бабушки готовить. Одной из любимых книг еще тогда стала «Книга о вкусной и здоровой пище», изданная за год до смерти Сталина. Сегодня у меня собрана целая библиотека поваренных книг, разных лет и разных стран. Но именно тот роскошный и лживый фолиант с глянцевыми картинками стал для меня одной из самых любимых книжек наряду с Носовым, Дарреллом и Сетоном Томпсоном.

Нашу учительницу, не улыбочивую женщину с усами и ворчливо-капризным выражением на лице, звали Галина Петровна. Первым делом она спросила класс, кто уже умеет читать и считать до десяти. Разумеется, я сразу с гордостью потянула руку, чтобы сообщить, что уже прочитала много книг. О том, что ученики в школе должны поднимать руку, если хотят что-то сказать, я знала и от родителей, и из фильмов про школу. К моему удивлению, Галина Петровна нисколько не обрадовалась моей образованности. Совсем наоборот: она назидательно отметила, что очень плохо, когда дети еще до школы начинают читать не вслух, а про себя. Вторым таким же, как я, выскочкой оказался Олег Точилин. Вот нас с ним и усадили вдвоем за одну парту прямо перед доской, справа от учительского стола. Кроме нас, читать и считать умел еще Миша Гуськов, странный, довольно умный, но очень рассеянный мальчик, сын пожилых родителей. Он сразу понял на нашем с Олегом примере, что не нужно привлекать к себе внимание, и занял место где-то позади, разделив парту с тупой толстенной девочкой, имени которой я не помню.

Разумеется, нам с Олегом на уроках Галины Петровны было очень скучно. Целиком поглощенная тем, чтобы привить начальные знания нашим менее продвинутым однокласскам, она почти не обращала на нас внимания. Лишь изредка учительница вызывала то Олега, то меня прочитать несколько предложений из букваря и сердилась, что мы читаем не по слогам, а произносим сразу все слово. За это она даже выговаривала на родительском собрании моей маме и Тамаре Ильиничне, маме Олега: мол, согласно педагогической науке, чтение по слогам необходимо для того, чтобы в дальнейшем ученики правильно, без ошибок и пропусков писали слова. Олег, кроме того, чуть грассировал и Галина Петровна регулярно говорила и его маме и даже ему самому, что ему необходимо наблюдаться у логопеда.

Не знаю, как реагировала Тамара Ильинична, но моя мама после каждого родительского собрания со мной «серьезно беседовала». В первую очередь, ее беспокоило, что мы с моим соседом по парте, по мнению учительницы, постоянно демонстрируем свое превосходство над остальными детьми и выделяемся из коллектива. Видимо, проявлялось это в том, что мы часто перешептывались от скуки. Олегу было тяжелее. За дружбу со мной мальчишки дразнили его «девчатником», и ему порой доставались весьма чувствительные подзатыльники, на которые Олег всегда пытался отвечать, но силы часто были неравны.

Моя мама с самого начала не пришла в восторг от нашей с Олегом дружбы. Во-первых, ей не нравилось, что мы с ним «выделяемся» и не поддерживаем почти никаких отношений с остальными детьми. Во-вторых, она с болезненным раздражением относилась к его родителям. Даже их фамилия «Точилены», услышанная впервые, заставила ее вздрогнуть.

Родители Олега были, безусловно, не старше, чем мама и папа Гуськовы, но все же старше моих. Отец, Кирилл Иванович, работал в геологоразведочном институте и действительно походил на геологов, «таежных романтиков», как их показывали в кино. Крупный, бородатый и очень веселый дядька, он месяцами пропадал в экспедициях, а, когда возвращался, с энтузиазмом собирал дома друзей. Их дом стоял напротив нашего. Когда у Точиленых собиралась какая-нибудь очередная вечеринка, до нас доносился веселый шум и гитарный перебор.

За весь первый школьный год я пару раз заходила к ним домой, и прекрасно помню, как странно Точилин-старший посмотрел на меня, когда Олег назвал мою фамилию. Кирилл Иванович внезапно очень смутился, а потом схватил меня за плечи огромными сильными

ладонями, поднял вверх и прижал к себе. Мне это показалось очень странным: в нашей семье взрослые ничего такого не делали. Впрочем, ничего неприятного в поведении Кирилла Ивановича я не почувствовала. Что тут поделаешь – человек из дикого леса, детей видит мало и редко, как видит – хватает и тискает. Я буквально так и подумала про себя, и даже хихикнула.

Маму Олега звали Тамара Ильинична. Эта тихая улыбчивая женщина работала переводчиком. Она много сидела дома с книгами, но изредка сопровождала по Москве каких-то иностранцев, разумеется, когда ей велело начальство.

Однажды какой-то иностранец подарил маме Олега пачку жевательной резинки, и мой верный друг Точилин принес две пластинки мне. Одну я «зажевала» сама по дороге из школы, а другую принесла домой родителям, чтобы они тоже посмотрели на это диво дивное. Узнав, откуда я взяла жвачку, мама очень рассердилась. Сначала она объяснила, что Советский Союз – не Америка. В Америке каждый может жевать все, что ему заблагорассудится, там это принято. Но у нас, когда ребенок идет по улице и жует жвачку, это видят все и это «о многом свидетельствует»! Я, увы, не могла с мамой не согласиться. Действительно, на выходе из школы на меня обратила внимание школьная уборщица тетя Дуся:

– Жуют, жуют, словно коровы жвачные! Я потом язву нажую себе, чтоб врачи без дела не сидели! Тьфу на тебя! – так закончила тетя Дуся свое выступление.

Как меня учили дома, я немедленно вежливо ответила пожилой женщине:

– Извините, пожалуйста, тетя Дуся! Мне просто попробовать дали один раз.

– Только попробуй мне эту гадость на пол плюнуть – заставлю отца с матерью всю школу отмывать!

Про тетю Дусю я, конечно, не рассказала. Просто еще раз отметила про себя, что мама во всем права.

– Если ты сама не можешь регулировать свои отношения, – сказала мама уже после того, как немного успокоилась. – Я еще подумаю, но, может быть, мне придется сходить и поговорить с его родителями... с отцом его поговорить... о том, что не все можно приносить в школу и давать другим детям. Хотя мне очень не хочется к нему ходить.

Единственное, что мне не было понятно в ее словах, так это то, почему мама предполагала говорить именно с Кириллом Ивановичем. Вроде бы жвачка Олегу от Тамары Ильиничны досталась, а отца его и дома-то почти не бывает.

– Ты вот думаешь, почему он эту жвачку в школу принес? – уже перед самым сном вдруг спросила меня мама.

Я даже удивилась, что она столько времени, оказывается, размышляла на эту недостойную внимания тему.

– Он принес её в школу, чтобы меня угостить!

Мама горько усмехнулась и покачала головой:

– Он принес ее в школу, чтобы выделиться среди остальных, то есть среди учеников, и чтобы эпатировать учителей, ну, то есть, вашу Галину Петровну.

– Но мы на уроке не жевали! – воскликнула я.

Но мама махнула рукой и направилась в большую комнату – раскладывать их с папой диван и стелить постель.

Конечно, я понимала, что я снова провинилась. Я даже была благодарна маме за то, что она, несмотря ни на что, держала себя со мной очень спокойно и сдержанно. Мама хотела донести до сознания неразумной дочери, что я не имею права даже брать в руки ничего такого, чего каждый из моих сверстников не может свободно купить в самом обычном магазине. И все, что считала нужным, мама донесла. И уже перед самым сном добавила:

– Аня! Мы можем выделяться из окружающей среды только своими знаниями и только своим безупречным поведением.

Я хотела было промямлить, что за демонстрацию знаний меня тоже не особенно хвалят, но мама предугадала мой ответ:

– Но и знания свои, и культуру мы не должны выпячивать, Аня. Вне дома мы такие же, как все.

– Только не пьем и не деремся, – подхватила я, причем абсолютно серьезно.

– Да! Да, мы совсем другие – мы любим и уважаем друг друга!

Помню, что оказавшийся рядом отец очень серьезно закивал головой. Бабушка Рая в этот момент была в ванной, но она тоже была с мамой во всем согласна.

На следующий день мама задержалась с приходом домой. Как мне потом по большому секрету рассказал Олег, она приходила к ним, вернула оставшуюся пластинку жвачки и о чем-то говорила с мамой Олега. Кирилла Ивановича в это время в Москве не было. Как это часто бывало, он находился в командировке. Олег сказал, что не знает о чем разговаривали между собой наши мамы, но, мне показалось, что он просто не хотел со мной эту тему обсуждать.

Мне было всегда интересно понять, почему именно мама – наш главный «идеолог». Ведь жизненной мудрости она наверняка научилась у своей мамы, то есть у бабушки Раи. Как-то раз даже я спросила об этом бабушку, но та только отмахнулась:

– Да что ты, Анюшка! Инка с пеленок была меня умнее! Ее только чуть-чуть подправить изредка... и все в порядке!

Бабушка Рая была очень легким и веселым человеком. И она очень гордилась своей дочерью, моей мамой.

Если не считать мелочей, наше общение с Олегом проходило безоблачно. Мы читали одинаковые книжки, а фильмы тогда все смотрели одинаковые, что в кино, что по телеку, так что, нам всегда было о чем потрепаться.

В самом начале весны у Олега Точилина был день рождения. Галина Петровна всегда поздравляла именинников от имени всего класса. Еще в самом начале сентября для этой цели нам было велено сдать по два рубля. Сдали, разумеется, не все, так как у многих моих одноклассников семьи были неблагополучные. Два рубля для матери-одиночки или, что еще хуже, для семьи, где отец пьет, были большими деньгами, но, как бы то ни было, подарочный фонд существовал. Подарком всегда оказывалась книга, так как именно книга, как известно – лучший подарок. Хорошие книги были дефицитом, но что-нибудь простенькое детское в нашем книжном магазине на Ярцевской улице всегда имелось.

Накануне дня рождения моего друга Галина Петровна, как всегда, назначила двух девочек, выдала им семьдесят копеек из специально собранного классного фонда и отправила в книжный магазин, чтобы они купили для Олега какую-нибудь полезную книжку с картинками. Дело было за неделю до Восьмого марта, перед праздником покупатели вымели все даже из книжного магазина. Единственная книга, которую наши одноклассницы смогли купить, – толстая монография для студентов вузов «Г.В. Плеханов и его роль в развитии марксизма в России». В гробовой тишине Олег получил из рук насупленной учительницы трехсотстраничную книгу, напичканную цитатами и ссылками. Вместо веселых цветастых картинок ему предстояло любоваться старинными черно-белыми изображениями лысых и бородатых дядек, готовых запалить вселенский пожар и ринуться в кошмарное светлое будущее.

Тем не менее, мой друг с достоинством принял подарок и поблагодарил всех за поздравления. Он уже совсем собрался сесть на место, что рядом со мной, но напоследок Галина Петровна сделала ему замечание.

– Скажи, Точилин, это мама тебе галстук повязала? Она разве не знает, что в школу дети так не ходят?

Учительница ткнула пальцем в темно-синий галстук на шее Олега. Галстук был, конечно, детский, с диснеевскими персонажами. Но в то же время это был самый настоящий галстук-самовяз, а не «селедка», типа тех, что болтаются на резинке у милиционеров и военнослужащих. Очевидно, галстук этот тоже подарил его маме кто-то из приезжавших в Москву иностранцев. И рубашку в тот день на Олега тоже надели очень нарядную.

Олег удивленно повернулся к учительнице.

– Но ведь у меня сегодня день рождения!

Словно в подтверждение, он поднял вверх только что подаренную книгу. Первый русский марксист на обложке, кстати, был в галстуке.

– Точилин, в школу все ученики должны приходиться одетые в форму и по правилам. Скажи маме, чтобы галстуков никаких больше не было. Вот примут тебя в пионерскую организацию, тогда и будешь ходить в галстуке. В красном галстуке! А эту удавку с шеиними!

При слове «удавка» по классу прокатился мерзенький смешок.

– Точилин – удушенник! Точилин – удушенник!

Галина Петровна призвала класс к порядку:

– Все! Ничего смешного я не вижу.

Угомонив класс, она строго закончила свою беседу с именинником:

– Садись, Точилин! Мы тебя поздравили, конечно, так что расти настоящим советским человеком: не болей, учись хорошо и, главное – будь скромнее!

Олег неловко стянул с шеи галстук, смял его и затолкал в портфель. Наверняка галстук от такого обращения пострадал. Я промолчала, но красивый галстук было жалко.

Дома я рассказала родителям про то, как поздравляли моего друга, не забыла рассказать и про галстук. Честно говоря, рассказала просто так – я часто делилась с родителями и с бабушкой Раей событиями своих школьных будней. К моему удивлению, мама очень рассердилась на родителей Олега.

– Как же так можно! – всплеснула она руками. – Зачем так подставлять мальчика? Зачем выделяться?

Мы с папой и бабушкой Раей молча жевали пожаренные бабушкой котлеты из мороженой трески. Папа, впрочем, невзирая на набитый рот, не переставал одобрительно кивать.

– Аня! – не унималась мама. – Вот ты мне это все рассказала. Теперь объясни мне, пожалуйста, для кого он надел этот галстук? Кому на него любоваться? Сургучеву, у которого отец – алкоголик, а мать – уборщица в метро? Климовой, чьих родителей лишают родительских прав? Кому?

– Красивый галстук, – сдуру ляпнула я. – Мне понравился...

Мама вскрикнула, словно от боли. Отец поперхнулся салатом, а бабушка отвернулась от стола и начала быстро-быстро помешивать компот из сухофруктов, кипевший на газовой плите. Бабушка не любила слушать, когда мама учит меня жизни, но, разумеется, никогда не вмешивалась.

– Ты что, Аня, обезьяна? – спросила меня мама почти шепотом.

– Почему обезьяна? – Я понимала, что не права, но не нашла, как соскочить с неудачной темы.

– Потому что обезьяны, а не люди, Аня, любят яркие цветастые тряпки!

– И сороки еще... – пробормотал папа. – Сороки тащат всякое блестящее... им лишь бы что, лишь бы блестело!

– Только самые низкопробные люди, – звенящим голосом сказала мама, – могут отправить своего ребенка в школу, разодетым, словно кукла. Абсолютно права ваша Галина Петровна: интеллигентного человека отличает скромность. И я еще не знаю, кто и за что дарит этим странным людям такие вещи! Я очень остерегаюсь... таких, как родители, как мать твоего друга... И ты, Аня, будь очень осторожна!

Честно говоря, ни Олег, ни его тихая мама-переводчица, ни даже громогласный Точилин-отец страха у меня не вызывали. Но я понимала, что моя мама говорит о чем-то серьезном и недоговаривает. Я знала, что многие мои родственники в сталинские времена исчезли в тюрьмах и лагерях. Мама неоднократно обещала, что когда-нибудь я узнаю правду, но это потом... а пока мне многое знать слишком рано, потому что самое главное для нас – это «достойное выживание»!

Нужно отдать маме должное, она постаралась не продолжать навязчивых нравоучений после истории с галстуком. Некоторое время она вообще не обсуждала со мной ни Олега, ни его родителей. Когда Олег заходил к нам домой, она была с ним, как обычно, весела и доброжелательна, ничем не демонстрируя отношения к его «странной» семье.

Подаренная Олегу книга, как и положено большевистскому печатному изданию, явила собой почти классический пример подрывной литературы. Идиотская катастрофа разразилась в нашем классе в день рождения Ленина, 22 апреля. В советское время это был едва ли не самый главный праздник для всех школьников страны. Правда, официальным выходным этот день не был, наоборот, мало того, что сам по себе он был днем и рабочим, и учебным, в расписание назначали дополнительный нудный «Ленинский урок». А потом, в ближайший ко дню рождения вождя выходной, всех еще ожидал коммунистический субботник.

Для нашего первого «Б» класса – это был самый первый «Ленинский урок». Проводила его, разумеется, Галина Петровна. С противоестественным волнением, с придыханием она рассказывала нам про первые годы жизни вождя. Из канонической детской ленинианы следовало, что Ильич был совершенно святым с самого первого дня своей жизни. Галина Петровна, как и положено, трындела нам, что усвоенные в детстве уроки Владимир Ильич пронес через всю жизнь. Рассказ был нудным и скучным. Никто не перебивал учительницу и не задавал никаких вопросов.

Близился конец урока, когда, следуя убогой канве повествования, Галина Петровна изрекла, что Владимир Ильич Ленин, следуя заветам матери, всю жизнь слушался старших. Это бессмысленное заявление так бы и осталось незамеченным невзыскательной аудиторией, если бы не мой друг Олег Точилин. Услышав эти слова, он подскочил со стула и потянул руку вверх. Не ожидавшая подвоха учительница остановилась.

– Извините, Галина Петровна, но у меня вопрос!

– Спрашивай, Точилин. – Учительница даже обрадовалась, что, по крайней мере, у одного из малолетних слушателей ее рассказ вызвал интерес.

Все-таки забавно, что Олег Точилин слегка картавил! Из-за этого сказанное им прозвучало никак не вопросом и даже не замечанием, но издевательством над самым святым, что должно было храниться в душах советских школьников.

– Вы ведь сказали, что Владимир Ильич Ленин всегда слушался старших?

С этими словами Олег поднял над столом недавно подаренный ему классом фолиант про Плеханова. Нужно сказать, Точилин постоянно таскал этот том в своем портфеле и демонстративно читал на переменках.

Галина Петровна была не самой умной и не самой образованной женщиной, поэтому она не сообразила, чем может грозить слишком усердное изучение первоисточника. Вместо того, чтобы попытаться избежать конфуза, она предпочла молча дослушать картавого первоклашку.

– Но почему, Галина Петровна? Ведь Георгий Валентинович Плеханов был намного старше Владимира Ильича Ленина!

– Ну, не то чтобы старше... Он просто раньше родился... И что же...

– А то, что Владимир Ильич не только не слушался Георгия Валентиновича, но и жестоко с ним полемизировал.

Не уверена, что Галина Петровна знала, что такое «полемизировать», но то, что остальные дети из нашего класса не знали этого слова, – это точно.

«Ленинский урок» был сорван, и как сорван! Скандал дошел до директора школы.

Папа и мама, узнав о случившемся, впервые в жизни в открытую запретили мне общаться с Олегом и, тем более, с его родителями. Причем, как ни удивительно, в этот раз в основном усердствовал в своем негодовании папа. У него что-то в очередной раз не складывалось с защитой диссертации, и весь мир, кроме мамы, его страшно раздражал.

– Это же провокаторы! Дело не в том, что такие люди не думают о себе, – они толкают в пропасть других. Аня! Ты должна понять, что нельзя даже близко подходить к подобной публике!

При этом отец смотрел не на меня, а на маму и искал одобрения в ее взгляде. Мама почему-то вообще никак не реагировала и с тоской смотрела сквозь нас и стены в некий неведомый нам мир.

Я не знаю, как бы повела себя при следующей встрече с Олегом, но встреча, которая могла бы выявить мое явное предательство, не состоялась. Мне повезло, если можно, конечно, назвать везением ветрянку, начавшуюся у меня вечером того самого двадцать второго апреля. Приходить ко мне, заразной, было нельзя, телефона у нас тогда еще не было. До окончания учебного года я в школе не появилась. Сидела дома, измазанная зеленкой, и убеждала себя, что, не общаясь с Олегом, просто спасаю его от ветряной заразы. Впрочем, и в этой моей позиции, признаю, было немного честности.

В ближайшее воскресенье после «Ленинского урока» Олег приходил к нам, но мама его непустила. Он узнал, что я болею, и попытался меня навестить. У меня действительно была температура, я лежала в кровати. Я услышала звонок в дверь, и мамины шаги в коридоре. Дверь открылась, и Олег поздоровался с мамой:

– Здравствуйте, Инна Дмитриевна!

Для большинства российских детей обращение к взрослому человеку по имени и отчеству – дело почти немыслимое. Чаще приходилось слышать «здрате», «вы знаете» или, в лучшем случае, нелепое «тетя Ира», «дядя Витя». Впрочем, нелепость эта до сих пор остается уделом новой поросли, в том числе и наиболее культурной ее части.

– Здравствуй, деточка! – ответила мама.

Мама всегда была безукоризненно любезна, но меня ее вежливость не обманула. Я всегда слышала напряженные звенящие нотки в ее голосе, когда она говорила с неприятным ей человеком.

– Я хотел навестить Аню. Мне сказали, что она болеет...

– Спасибо, мой хороший! Спасибо! Но тебе здесь нельзя находиться ни минутки! У Анечки ветрянка. Это заразное вирусное заболевание – ты можешь заразиться.

– Не могу.

– Почему же ты не можешь, милый?

– Потому, что я уже болел ветрянкой три года назад... Поэтому я не боюсь никакого вируса и хочу навестить Аню.

– Нет, Олег, милый! Нет! Аня плохо себя чувствует, она лежит в кровати. Нельзя сейчас!

– Но...

Олег хотел что-то сказать, но тут возник строгий и совсем не доброжелательный папин голос:

– Тебе же сказали: нельзя! Сколько можно в дверях стоять, когда у людей дела? Ступай! Иди домой.

Еще секунда – и я бы подскочила с кровати. Отец, трепетавший от единого движения маминого пальца, с другими людьми порой разговаривал отвратительно. Если ему казалось,

что кто-то недостаточно послушен и не вполне почтителен к его жене, папа говорил неприятно и как-то особенно глупо.

– Борюсь, перестань! – остановила его мама. – Иди на кухню, у тебя там дела. Мы с Олежкой прекрасно понимаем друг друга, и мы обо всем договоримся.

Я все же не вышла, осталась лежать.

– Олег, милый!

Чтобы придать своим словам оттенок интимности, мама перешла на шепот, но громкий настолько, чтобы его слышали все окружающие.

– Ты же учти, она девочка! А девочка – это та же женщина. Как ты думаешь, ей будет приятно, если ты увидишь ее больной, слабенькой, в прыщиках, обмазанных зеленкой? Ты же мужчина, Олежек! Иди домой. Она, когда выздоровеет, забежит к тебе или даст знать, чтобы ты пришел. Сама!

Все-таки, какая умная моя мама! Мне бы такой поворот в голову не пришел. Хотя, честно говоря, я тогда даже не задумывалась, как выгляжу.

Очень скоро мне стало лучше, а через три недели от зеленых точек не осталось и следа. Но к Олегу я не пошла. Мне, конечно, хотелось с ним встретиться, но я понимала, что мама будет очень недовольна и заставит меня объясняться. Отвечать на мамины вопросы было невыносимо, и я решила, что потерплю и увижу друга в сентябре.

Но первого сентября Олега в классе не оказалось. В школе шептались, что Точилиных всей семьей отправили куда-то в заграничную командировку. Узнав об этом, мама моя, чуть ли не торжествуя, рассмеялась.

– Вы же понимаете, кого после таких историй с ребенком отправляют работать за границу! Я недаром говорила, что они... они, ну, провокаторы, что ли!

Отец кивал, поправляя на носу очки. Мне, даже казалось, что он ухмыляется в усы. Он тогда, как раз, начал отращивать усы.

Страсти по маме

Когда в классе не стало Олега, мое отвращение к школе, учителям и одноклассникам только усилилось. К получению знаний это заведение вообще не имело никакого отношения. Первые три года начальной школы тянулись бесконечно долго, а когда они, наконец, прошли, я так и не поняла, чем же я занималась все эти годы у Галины Петровны.

В четвертом классе лучше не стало. Теперь вместо одной учительницы у нас появилось сразу несколько преподавателей, каждый из которых вел свой предмет, практически все – женщины. Исключение составлял физрук, маленький и очень вертлявый экс-футболист еще преподаватель труда у мальчиков. Но я с этим угрюмым спившимся человеком, слава богу, никак не соприкасалась. Учительниц я условно разделила голове на «бабок» и «теток». И те, и другие распространяли вокруг себя скуку, уныние и раздражение. Некоторые, наверное, изначально были неплохими женщинами, имевшими и кругозор, и талант, и интерес к жизни, к работе, к своему предмету. Но лучших из них либо исторгал из своей гнилой среды убогий и нудный коллектив, либо доканывали дети.

Среди школьников с четвертого по восьмой класс тон задавали наиболее агрессивные и жестокие типы. Их было не очень много, но большинство отличалось пассивностью и трусостью. Все, как и во взрослой жизни. Была бы моя воля, я бы вообще не ходила на занятия. Зачем? Прочитав учебник, я понимала все намного легче и быстрее, чем на уроке, когда учительница, сама не семи пядей во лбу, ориентировалась на нескольких полудебилительных носителей алкоголической наследственности.

Мама совершенно не одобряла моего отношения к школе и даже слышать не желала о том, чтобы перевести свою единственную дочь в более приличное место.

– Мы будем жить в таком же доме, как все, мы будем покупать продукты и вещи в тех же магазинах, где их покупают все. И ты будешь учиться так же, как все, и там же, где все!

Я слушала маму и верила, что именно так и надо жить. Она была для меня главным авторитетом. И даже тогда, когда все мое естество протестовало против общения со всевозможными «всеми», я продолжала верить маме и твердо знала, что она всегда и во всем права.

Мама годами работала инженером-конструктором в проектно-институте за сто сорок рублей в месяц. Деньги это были не то чтобы мизерные, но какие-то унижительные – столько же зарабатывал любой малоквалифицированный слесарь или уборщица. Я никак не могла понять, зачем учиться пять лет, сдавать экзамены, писать диплом, если потом получаешь меньше, чем вагоновожатый?

– Когда ты идешь в институт, ты выбираешь не зарплату – ты выбираешь среду! – сто раз слышала я.

– Но если я буду выбирать ту самую прекрасную среду программистов и чертежников, то зачем я сейчас мучаюсь в этой дурацкой школе, в бездарном классе с будущими пьяницами и уборщицами? – порой прорывалась у меня.

И один и тот же ответ:

– Нельзя расти в парнике!

Мне было страшно смотреть, как мама надрывалась над кульманом. Я не верила, что она так уж любит чертежи этих дурацких автосцепок, пятников и тележек. Отец хоть вправду свои компьютеры любил или, по крайней мере, верил в то, что их любит. А мама только мучилась!

Однажды я решила проверить, так ли это безысходно. Вдруг мама просто не задумывается, что жизнь можно изменить? Почему бы ей не пойти, например, продавцом в книжный магазин, где, конечно платят, на пятнадцать рублей меньше, но зато не нужно ехать каждый день полтора часа через весь город и не нужно портить глаза за чертежной доской? У мамы,

как и у меня, с детства было очень плохое зрение, и от черчения очень болели глаза, видела она с каждым годом все хуже и хуже. Я рассказала, что на двери книжного магазина рядом с нашей станцией метро висит объявление, что в отдел технической литературы и канцтоваров требуется продавец на зарплату сто двадцать пять рублей в месяц. Выслушав от меня эту информацию, мама грустно вздохнула. Потом улыбнулась мягко-мягко, как только она умела улыбаться, погладила меня по голове и поцеловала.

– Спасибо тебе, моя девочка! Но лучше я буду терпеть боль в глазах и мучиться каждый день в толчее в метро и в троллейбусе, чем стану торговкой. Торговцев в нашей семье не было и не будет! Запомни, моя девочка!

Мама меня не отругала. Она даже поблагодарила меня за заботу, но я все равно ощущала себя виноватой. Я понимала, что виновата в том, что сама не могу понять, что такого ужасного в работе продавца книг и канцелярских принадлежностей. И я еще больше осознала себя виноватой от того, что в душе приняла тайное, но очень твердое решение никогда не работать инженером-чертежником. Более того, я сказала себе, что ни за что не стану ездить каждое утро на работу в переполненном вагоне метро, даже если там меня будут ждать-дождаться самые чудные и интеллигентные коллеги.

Мама видела, что в школе мне плохо. Безусловно, ее это очень огорчало, и она старалась, как могла, изменить мое отношение к учителям и одноклассникам.

– Необходимо правильно построить систему взаимоотношений! – как-то проговорила мама и уставилась на меня из-за толстых линз красными глазами. Ее диоптрии непрерывно увеличивались, а веки становились из года в год все более и более воспаленными.

Я хотела было рассказать в ответ что-то серьезное про свои трудности, но при виде этих красных и опеченых век не решилась и промямлила лишь, что приняла твердое решение сделать себе короткую стрижку. Надоело, что меня больно и обидно дергали за косички одноклассники-переростки.

– Хорошо, – согласилась мама. – Косички мы сострижем. Но ты должна понимать, что дело все-таки не в косичках. И если у тебя возникает конфликт с кем-то, то ты сама в этом виновата. Значит, ты не выстроила правильную систему взаимоотношений.

«Система взаимоотношений» – как по-взрослому это звучало! Конечно, мама права. Конечно, я должна стараться. Но как же это мерзко, когда тебя изо всех сил дерут за волосы дебилы, которые не то что писать и читать, но и говорить к своим немалым уже годам толком не выучились!

– Мама! С Сургучевым и Коротковым нельзя построить отношения. Они уже несколько раз на второй год остаются! Они здоровенные, тупые и все время дерутся. С ними никто не может!..

– Никто не может, а ты должна мочь, девочка моя! Ты же умнее их! – сказала мама, и затравленное сердце мое переполнилось гордостью. – Ты должна быть хитрее и предупредительнее.

– Как?

– Думай сама, дочка!

В седьмом классе стало уже совсем нестерпимо. Тринадцать лет – непростой возраст для девочки: гормональные изменения сопровождаются дополнительной нервной усталостью.

Однажды вечером, не догадываясь сама о том, что делает, бабушка Рая рассказала семейную новость: мой троюродный брат Артур теперь учится экстерном. То есть он не ходит в школу вообще. Месяц назад его побили на школьном дворе мальчишки из старшего класса. Побили настолько сильно, что Артура пришлось доставить в травмпункт. После этого происшествия его мать, мамина кузина Анжела, пришла к директорисе и ультимативно

известила ее, что сын будет заниматься дома, а школа позволит ему сдавать все предметы экстерном. Анжела была дамой твердой, и директриса пошла на все ее условия.

Маму приводило в негодование, то, что Анжела позволяла себе не только неприкрыто презирать окружающих, но и призывала к тому же своего сына. При всем при том Анжелин муж Виктор Михайлович был не только профессором, но и парторгом отраслевого научно-исследовательского института. Несмотря на высокое профессиональное и общественное положение, он не только не противился поведению своей супруги, но во всем ее поддерживал, являя образец советского цинизма и фарисейства. По поводу своей принадлежности к партии коммунистов Виктор Михайлович всегда высказывался исключительно иронически и говорил «С волками жить – по-волчьи выть!». В зависимости от обстоятельств и состава компании в этой семье любили вслух гордиться какими-то неведомыми мне корнями нашего рода – то дворянскими, то еврейскими. Иногда с гордостью вспоминали предков, якобы организовавших революционное движение, а порой вспоминали тех, кто в годы гражданской войны противостоял большевикам. А иногда не забывали напомнить, что и те, и другие бесследно сгинули в недрах ГУЛАГ а – развеялись лагерной пылью.

Мне сто раз объясняли, сколь отвратительны эти люди, общение с которыми является вынужденным в силу родственных связей. Я готова была принять даже самую исковерканную логику, но не завидовать прогульщику и экстерну Артуру я не могла!

Наконец, я все же не выдержала и заикнулась о том, что хотела бы, как и мой кузен, учиться дома, а в сэкономленное время посещать какой-нибудь спортивный кружок или читать книжки. Случилось это после того, как два великовозрастных второгодника сорвали с меня очки, выбросили их в урну в мужском туалете и запретили другим мальчикам их мне оттуда достать. Мне, при моих минус четырех, пришлось почти на ощупь добираться до школьной вешалки на первом этаже и просить о помощи гардеробщицу тетю Дусю. Пока я шла вниз, мне кто-то отвесил такой подзатыльник, что я упала со ступенек и набила шишку. Было противно, больно и очень унижительно. В общем, ходить в школу я не хотела страстно.

Мама молча выслушала меня. Губы ее задрожали. Ни слова не говоря, она сняла очки, закрыла ладонями глаза, и через мгновение я увидела ручейки слез, бегущие по самым любимым, самым родным в мире щекам.

– Мама! Что с тобой, мама? – я была в отчаянии. – Что я сказала плохого?

Замотав головой, мама всхлипнула.

– Только что, – простонала она, – рухнуло все!

– Что рухнуло? – Вслед за ней я тоже начала рыдать.

– Рухнуло все то, что я в тебя вкладывала годами! Я думала, что ты, Анна – моя главная союзница! Я думала, что ты понимаешь меня!

– Но я тебя понимаю, мам!

– Прекрати! Прекрати немедленно! – Мама оторвала ладони от красных своих глаз. – Ты только что предала наш дом! Посмотри вокруг!

Я обвела зареванным взором всю нехитрую обшарпанную обстановку нашей хрущевской «двушки». Мне было страшно: как это я, вдруг, сама не понимая как, предала семью, маму и даже нашу квартирку – мой единственный в мире, мой обожаемый дом? Сейчас мне совершенно непонятно, при чем здесь могло предательство, но тогда... тогда меня в очередной раз насквозь прожгло чувство неискупимой вины.

Мама плакала. Но, всхлипывая, она не переставала говорить. Неужели я опять забыла, что ее двоюродная сестра – Анжела черствая и эгоистичная женщина, что только формальные семейные узы заставляют нас поддерживать отношения с этой чуждой ветвью нашего рода? Лишь благодаря каким-то таинственным и, очевидно, не вполне чистым связям, мамина кузина закончила Третий московский медицинский институт. Анжела, как рассказывала мама, с детства была неряхой. И вот теперь она – зубной врач. Вопреки нашим

моральным принципам, наряду с основной работой в районной поликлинике Анжела нелегально принимала пациентов на дому и получала за это нечестные, в нашем понимании, деньги. На эти деньги Анжела не стеснялась покупать себе вещи у спекулянтов. Благодаря приспособленцу-мужу они каждый год ездили по курортным путевкам на море в Крым или на Кавказ. И мебель в квартиру они покупали не в комиссионке, как мы, а по блату. Кто из советских людей не знал это слово, «блат»? Никто не презирал «блат» до такой степени, как моя мать, и она научила этому презрению меня. Вторым таким словом было слово «мещанство». Тратить деньги можно на книги, на самую простую еду, на поездки «дикарем». Тратить их на мебель, одежду, безделушки всякие – «мещанство». Воплощение «мещанства» – жизнь по «блату»! Семья Анжелы была мещанской. И как же я могла посметь пожелать себе такой жизни, какой жил мой кузен Артур? Семейная легенда гласила, что когда семилетний Артурчик накануне своего самого Первого сентября увидел уготованную ему назавтра и на ближайшие десять лет мышиную школьную форму, он не просто отказался ее мерить, но с ревом спрятался в туалете. Московский мальчик, одетый в индийские джинсы и в польскую болоньевую куртку, может вырасти только моральным уродом. На нем – печать! В маминых устах это звучало аксиомой. И выходит, я стремилась к тому, чтобы, подобно Артуру, не ходить в школу? Значит, я хотела стать такой же! Теперь я совершенно не в состоянии понять мамину логику, но тогда я ощутила себя самой настоящей преступницей.

Мне с трудом удалось утешить маму и вымолить у нее прощения в тот день. Но на следующей неделе вновь приключилась беда. И хотя то событие, возможно, всерьез изменило не только мою жизнь, но даже меня саму, я так и не смогла донести до Машиного сознания его суть. Рассказывая дочери про то, как родная мать заставила меня извиняться непонятно за что непонятно перед кем, я сама не верила в то, что это действительно со мной случилось.

Помню, в тот день мама пришла с работы не просто усталая, как обычно, но совершенно измученная и погасшая.

– Подойди ко мне, Аня.

Она произнесла эти слова на едином вздохе, словно не сказала вовсе, а простонала. Меня дома никогда не наказывали. Только «серьезно» беседовали со мной. Только объясняли «простые вещи». Но лучше бы меня пороли! Я до тошноты, до судорог боялась только маминых слез и собственного чувства вины. И страх провиниться вновь меня преследовал изо дня в день.

– Расскажи мне про то, что сегодня случилось... – еле слышно проговорила мама.

Я не знала, о чем рассказывать. На втором уроке писали контрольную работу по математике. Ничего сложного не было. Проверит ее Майка, Майя Николаевна, наша математичка, не раньше, чем через два дня. Она, правда, обругала меня за то, что я даю списывать своему соседу Мише Гуськову, но ничего нового или интересного в этом не было. Меня всегда за это ругали.

Мишка занял место Олега рядом со мной на долгие годы и стал моим соседом по парте. Другом я его считать не могла. Гуськов не просто был абсолютно безвольным и беспринципным созданием – он даже не понимал, что в этом плохого. Мишка не был дураком, но вместе с тем являл собой удручающий пример человека абсолютно ленивого и совершенно безвольного, неспособного довести до конца ни одно порученное ему дело. Он не мог выучить даже то, что ему самому очень нравилось. Миша непрерывно читал, знал уйму стихов и иногда мне их декламировал. Но каждый раз у него непременно пропадала какая-нибудь строфа, а иногда и целое четверостишие.

Часто он меня провожал после школы. Точнее, мне хотелось бы так это называть, «провожал». На самом деле Миша просто шел со мной вместе, так как жил он в соседнем подъезде. И в тот день тоже мы возвращались из школы вместе. А больше... больше ничего не происходило. Я пожала плечами.

– Ничего не случилось, мама...

– Аня! Почему ты обозвала душой Александру Михайловну?!

– Какую Александру Михайловну?

– Не притворяйся! Не обманывай меня! Я встретила ее во дворе. Она специально ждала меня, чтобы поговорить вначале со мной, а не обращаться сразу к твоей классной руководительнице. Я благодарна ей за это.

– Мама! Но я не знаю, кто такая Александра Михайловна!

Мама поднялась. Руки ее дрожали.

– Ты прекрасно, прекрасно знаешь! Александра Михайловна – учительница младших классов. Она живет в шестнадцатом доме, в подъезде напротив нашего. Ты сейчас быстро оденешься, и мы вместе пойдем извиняться перед этой женщиной.

– За что, мама? За что извиняться?

– Аня! – сказала мама тихо. – Я не знаю, что с тобой происходит. Я чувствую, что мы с отцом терпим фиаско. Мы теряем тебя. Мы культурные люди, выбравшие для себя образование, любовь, теплую семью. Мы должны быть безукоризненны в окружающем нас мире. Мы не деремся за свой кусок. Если он нужен кому-то, то пусть подойдет и возьмет. Мы можем поголодать, но в нас, Аня, в нас – пиршество духа! Нам достаточно корки хлеба и чашки чая для того, чтобы чувствовать себя счастливыми, – разве не так?

– Конечно, мамочка!

Как я могла не соглашаться с постулатами нашей семейной веры? Эта вера не имела никакого отношения к вере в Бога или в какие-либо другие высшие силы. И моя мама, и мой тихий отец, и обе мои бабушки, Рита и Рая, были ортодоксальными атеистами но при этом почти религиозно поклонялись образованию, культуре и семейному очагу.

Отец был единственным мужчиной на три поколения нашей семьи. Я – единственная дочь у моих родителей. Маминого отца, мужа бабушки Раи, то есть моего дедушку, тяжело ранили на войне, куда он попал совсем молоденьким, после школы. Дед пытался жить нормальной жизнью, но очень тяжело болел. Спустя несколько лет после окончания войны все-таки решился жениться, но умер через месяц после маминого рождения, оставив бабушку Раю молодой вдовой.

Папина мама, бабушка Рита, жила в большой коммунальной квартире в самом центре Москвы. Она почему-то не очень часто бывала у нас дома, и мама не слишком приветствовала наши с папой поездки к ней. Папа своего отца тоже не помнил – того забрали незадолго до смерти Сталина. За несколько дней до смерти вождя дедушку расстреляли как врага народа и космополита. Бабушка Рита никогда больше не вышла замуж. Не знаю, насколько сильно любила своего мужа, но, наверное, все же, не сильнее, чем Ленина, коммунистическую партию и Советскую Родину. При любом удобном случае бабушка Рита повторяла, что в страшное сталинское время потеряла самого дорогого человека и все, что у нее было в жизни, но все равно она не ведет счетов с родным государством. Остальные члены семьи ее в этом, по-видимому, полностью поддерживали. Тогда подобный взгляд на жизнь воспринимался как нечто естественное... почему-то. Не понимаю почему: даже мне казалось, что в бабушкиных словах содержится не извращенное и рабское психическое уродство, но наоборот, особая сила и гордость? Не знаю...

Папа вернулся в тот день первым и помогал бабушке Рае раскладывать на едва вмещавшей нас всех пятиметровой кухне стол-книжку (этот неказистый белый столик всегда раскладывали перед обедом). Услышав мамин голос, папа наверняка замер и прислушался. Так он делал всегда. Впрочем, прислушиваться к разговору папе было необязательно, он всегда заранее знал, что я в чем-то опять не права. Для этого папе даже не требовалось вникать в суть происходящего. Главное – мама расстроена, а тот, от кого мамино расстройство исходит, очень виноват. Даже если этот кто-то ничего плохого не сделал и даже если этот кто-то я.

Театр абсурда продолжился; мы с мамой направились в подъезд напротив, поднялись на третий этаж, остановились перед выкрашенной темно-коричневой краской дверью и нажали на потертую черную пуговку звонка. Звонok пронзительно чирикнул. В глубине послышались вздохи и шарканье. Через минуту щелкнул замок, и дверь со скрипом отворилась. На пороге стояла очень толстая пожилая женщина с капризным выражением на бугристом отечном лице. Возможно, я, действительно, ее когда-то видела, но не была в этом вполне уверена. В нашей большой школе младшие классы занимались на втором этаже, каждый класс вела своя учительница. Наверняка, пока я училась у Галины Петровны, я встречала эту женщину где-нибудь на лестнице или в коридоре, но образ ее не отложился в моей памяти. То есть Александру Михайловну я не знала совсем. Впрочем, и она смотрела на меня с нескрываемым удивлением. В квартиру она нас не пригласила, заслонив проход своим тучным телом. Пахло перекипевшим мясным супом, а от самой учительницы младших классов слегка попахивало перегаром.

– Здравствуйте, Александра Михайловна! – грустно улыбнулась мама.

– Здравсь-сьте...

– Мы пришли извиняться! Мы – это я и... моя дочь Анна.

Мама легонько толкнула меня в бок.

– Здравствуйте, Александра Михайловна... – проговорила и я.

– Ну, извиняйся, коли пришла! – На лице учительнице расцвела бессмысленная улыбка. – Что натворила?

– Ничего... ничего вроде...

Наступила тягостная пауза.

– А за что прощения просить будешь?

Александра Михайловна, очевидно, сама была в недоумении. Она меня не помнила, равно как и я ее. Неясно было даже, что и кого она имела в виду, когда совсем недавно пожаловалась встреченной во дворе маме. Видимо, перепутала и меня, и маму с какими-то другими людьми. Еще раз осмотрев меня с головы до ног, она предположила:

– Ты же, наверное, на переменке толкалась?

Я отрицательно замотала головой.

– Так вы же мне полчаса назад пожаловались!.. – пролепетала мама.

– Я? Вам?! На нее?.. На эту девочку?

– Ну, вы же сказали, что она вас обзывала...

– Она? Меня?

– Как обзывала? Как ты меня обзывала, девочка?

– Я не обзывала... – В глазах моих стояли слезы.

– Так вы же сами сказали, что она вас... – упорствовала мама.

– А, это вы про ту девочку, что дурой меня обзывала? Толстой дурой?

Мы с мамой молчали.

– Так это же не она! Ведь это не ты меня толстой дурой обзывала?

– Нет! Не я!

– Нет! Это не она! Не эта девочка! – попытожила Александра Михайловна, чуть покачиваясь. – Эта девочка... только на переменке толкалась.

Она погрозила мне толстым указательным пальцем. До сих пор помню кусочек жареного лукового колечка, прилипший к неухоженному ногтю.

– Нехорошо толкаться, надо парами гулять по кругу с подружками. Ты же пионерка, а толкаешься. Пионерам нельзя толкаться!

– Я не толкалась! – инстинктивно воскликнула я.

– Не спорь со старшими! Не позорь мать! – добродушнейшая Александра Михайловна изобразила, что сердится.

– Воспитывать надо девочку! – обратилась она к маме. – А то так всю жизнь придется за нее перед людьми извиняться.

Учительница повернула голову внутрь квартиры и с наслаждением принялась.

– Ну, все, все! Мне кушать пора, и внуки у меня тоже некормленные. А ты, Аллочка, помни: расти нужно хорошей девочкой!

Произнеся эту, непонятно к кому обращенную фразу, Александра Михайловна поморщила лоб и завершила свою сентенцию бесспорной в своей банальности педагогической мыслью:

– Да-да, Аллочка! Нужно обязательно расти хорошей девочкой – потому что плохой девочкой быть очень плохо!

– Простите нас еще раз! – пробормотала мама еле слышно.

Непонятно даже, услышала ли она вообще, что незнакомая мне женщина два раза подряд назвала меня чужим именем.

Мы возвращались домой молча. Мама, не ужиная, пошла в большую комнату плакать, папа с трагическим лицом проследовал за ней. Со мной после этого случая он не разговаривал целую неделю. Отца не интересовало, что же на самом деле произошло, он не желал ничего знать и не хотел ничего анализировать. Для него имело значение только то, что маме плохо, а это ужасное обстоятельство было как-то связано со мной.

Мне тоже было очень плохо. Очень хотелось повалиться на кровать и плакать – но я отправилась на кухню к бабушке есть суп. Дети обязательно должны кушать вовремя. И на первое обязательно едят суп. И тарелка должна оставаться чистой. И невкусной еды не бывает. Это все не требующие доказательств аксиомы из моего детства.

Нет, я не потеряла веру в мамину правоту. Я по-прежнему была уверена, что в чем-то все равно виновата. Но в тот вечер в моей голове что-то щелкнуло. Я поняла, что если человеку все время говорить, что он должен быть хорошим, а плохим быть не должен, с ним может произойти что-то страшное. Я еще не научилась думать самостоятельно, но перестала хотеть быть «хорошей девочкой». Я смирилась с тем, что при всех обстоятельствах виновата перед своей мамой, что всегда буду вынуждена причинять ей боль самим фактом своего существования... И еще я поняла, что никогда не захочу видеть рядом с собой такого идеального мужа, как мой отец.

В самом раннем детстве в сердце мое проник идеал мужчины, которого я мечтала видеть рядом с собой. Разумеется, это был актер, который всегда играл людей, совершавших прекрасные поступки и беспримерные подвиги. Про себя я с детства называла его «великий». Видела я его в добром десятке ролей, но, как мне казалось, играл он всегда самого себя. Его генералы, разведчики, энтузиасты-ученые и революционеры чрезвычайно походили друг на друга – всегда сильные и бесстрашные, они отстаивали свою позицию и не жалели даже самой жизни для того, чтобы довести дело до победного конца. Я смертельно завидовала его «киноженам» и в глубине своей наивной души надеялась, что он дождетя того момента, когда я вырасту и найду способ познакомиться с ним. Я специально никогда не интересовалась, женат ли он и есть ли у него дети. Для меня он, конечно же, будет свободным! Конечно, я понимала, что этот человек не просто не мой ровесник, но даже старше моих родителей, но это никак не мешало моим девчачьим грезам.

Идеалы и реальность

До сих пор не могу ту ужасную и абсурдную историю с извинениями перед Александрой Михайловной.

Мне пришлось объяснить Маше, что мама вообще никогда не просила у меня прощения. Она не обсуждала со мной наш визит к Александре Михайловне. Правда, несколько дней потом ходила особенно печальная, с синяками под глазами – и все вокруг понимали, что это я в чем-то перед ней виновата, а вот в чем, непонятно. И от этой непонятности ситуация ощущалась еще более тягостной и безысходной.

– А как же все тогда рассосалось, в конце концов? – спросила меня недоумевающая дочь.

А вот это я уже прекрасно помнила! В конце той недели, кажется, в воскресенье, мы поехали все вместе с маминной подружкой тетей Ирой Гриневой, ее мужем профессором и их дочкой Леной на ВДНХ.

Стояла прекрасная погода. Мы для порядка зашли в несколько павильонов и погуляли по парку, примыкающему к Ботаническому саду. Кроме того, нам удалось, отстояв совсем небольшую очередь, не более сорока минут, пообедать в небольшом кавказском ресторанчике.

Названия этого заведения я почему-то не помню, хотя, это был, пожалуй, единственный ресторан, где мне довелось бывать в детстве. Подавали в этом заведении два дежурных блюда – суп-харчо и бараний шашлык на ребрышках, его еще называли шашлык покарски. В тот день ресторанный обед мне показался вкуснее обычного. Все были в прекрасном настроении, даже папа, убедившись, что мама пришла в себя, сменил гнев на милость и опять стал моим обычным папой, таким как всегда. Впрочем, общался он в основном не со мной и даже не с мамой, а с мужем тети Иры. Григорий Романович, лет на десять старше своей жены и моих родителей, заведовал кафедрой прикладной математики, и папа рассчитывал, что он согласится стать оппонентом у него на защите.

Мама ходила под руку с тетей Ирой, а я, разумеется – с Леной.

Лене уже исполнилось четырнадцать. Ей нравилось ощущать себя старшей и эпатировать меня. Она знала кучу анекдотов, касающихся отношений между полами, и когда мы отходили достаточно далеко от родителей, рассказывала их свистящим шепотом. Из рассказанного я, по наивности, мало что понимала, но все равно смеялась, чтобы не показаться дурой.

В тот день Лена поделилась со мной сразу несколькими секретами: во-первых, она сама в первый раз целовалась в губы с мальчиком из старшего класса, а во-вторых, она подсмотрела за тем, как по-настоящему занимаются ЭТИМ. Я не удержалась и спросила Ленку, как ей удалось увидеть то, что я даже не могла и представить.

Мои представления о любви и сексе к тому моменту были абсолютно невнятными. То, что я, как и все, слышала от сверстников в школе, казалось мне уродливой и фантастической нелепицей, грубостью, если и имеющей место, то только среди спившихся и опустившихся люмпенов. С родителями, то есть с мамой, мне даже в голову не приходило обсуждать подобное. Правда, я нашла на полке «Справочник практического врача» и прочитала там все, что нашла, про репродуктивную систему человека. Прочитанное произвело на меня странное впечатление. С одной стороны, я не могла не верить прочитанному, но с другой стороны, не могла себе даже представить, что мои родители проделывали нечто «такое», чтобы меня зачать. И уж, тем более, не могла соотнести полученную информацию с собственной жизнью, пусть даже в далеком будущем.

Ленка с восторгом поведала, как ей понравилось целоваться. Мне страшно было даже представить, как это, целовать в рот кого-то, пусть даже любимого. Но когда я сказала об этом, Ленка засмеялась и уверенно заявила, что когда-нибудь мне это тоже очень понравится, просто сейчас я еще маленькая. Эту тему мы оставили, и я попросила поподробнее рассказать про то, что она подсмотрела. При этом, к потрясению подруги, я употребила в разговоре с ней мудреное, но правильное название – «половой акт».

Честно говоря, это грамотное словосочетание смешит меня до сих пор. Дело в том, что много лет назад соседи сверху по пьяни залили нас водой. Потолок на глазах потемнел и разбух, а потом на мебель и на пол закапала вода, повалились куски штукатурки. Первым на зов о помощи откликнулся участковый милиционер, потом к нему присоединилась очень толстая и сердитая на весь мир тетка из ЖЭКа. Изучив ситуацию в нашей квартире и в квартире наверху, мои родители, алкаши-соседи и все прочие проследовали в домоуправление и составили там акт о причиненном нам ущербе. Слово «акт» так прочно засело в моей голове в связи с этим происшествием, что, наткнувшись в медицинской книжке на «половой акт», я смогла представить это действие только в служебном помещении ЖЭКа или, на худой конец, в Ленинской комнате, причем с обязательным участием участкового милиционера и представителей общественности. Я поведала об этом Ленке – та жутко смеялась, но потом все же рассказала мне об увиденном.

Как выяснилось, у Ленки была двоюродная сестра Мила, приехавшая из Кисловодска. Миле уже исполнилось восемнадцать лет, и она давно уже жила самой настоящей взрослой жизнью. У нее в Кисловодске имелся любовник, с которым она рассорилась. Из-за этой ссоры, объяснила мне Ленка, Милка бросила учебу в Ставропольском университете и переехала в Москву, где поступила учиться в институт, в котором преподавал ее дядя, Григорий Романович, и поселилась в общежитии. Ленкины родители приглашали племянницу в гости и часто оставляли у себя ночевать. Иногда они уезжали куда-нибудь: на дачу к друзьям, или на несколько дней в Питер, или в Киев – и не только приглашали, но даже просили Милку жить у них, чтобы Лена не оставалась одна.

И вот, в последний раз Милка приехала ночевать не одна, а со своим новым другом. При этом, разумеется, попросила кузину не рассказывать ничего родителям. Та согласилась, но сама из любопытства подсматривала за любовниками до тех пор, пока они не уснули. Лоджия в квартире, где жила Ленка с родителями была очень длинной, выйти на нее можно было и из кухни, и из спальни. Этим Ленка и воспользовалась. До самого входа в ресторан я приставала к Ленке, чтобы она подробнее рассказала мне, что увидела, но подруга только меня дразнила. В конце концов, впрочем, Ленка пообещала пригласить меня тоже с ночевкой, когда родители в следующий раз куда-нибудь «свалят» и Милкино «мероприятие» повторится.

Через несколько дней после нашей поездки на ВДНХ в нашем доме, наконец установили телефоны во всех квартирах. Сейчас, когда у каждого в кармане есть мобильник, трудно себе вообразить радость, которая пришла в дом от того, что стало возможно звонить куда угодно, не выбегая к вечно сломанному автомату на углу. Той телефонной будки с разбитыми окнами давно уже нет, но я до сих пор с содроганием вспоминаю мерзкий запах черной пластмассовой трубки, резины из оконной оплетки, ржавчины и замерзшей мочи.

И вот началась новая жизнь – на галошнице в нашем узеньком коридоре обосновался чудесный зеленый аппаратик с витым черным шнуром и весело жужжащим диском. Разумеется, мы стали самыми последними не только среди всех наших знакомых и родственников, но и во всем доме, кому поставили телефон. Мама категорически отказалась писать письма в райком партии и, тем более, ходить на телефонную станцию с коробками конфет, как поступило большинство наших соседей.

Кстати, первый в микрорайоне телефон установили в квартире моего одноклассника Миши Гуськова. Только некоторое время спустя я смогла в полной мере оценить всю прелесть его рассказа об этом.

Мишин папа Николай Корнеевич был ветераном и инвалидом войны, а мама, Варвара Матвеевна – дурой. Но была она не просто дурой, а дурой, работавшей в Верховном суде. Кем она там работала, я до сих пор понятия не имею, главное, что она вела еще и общественную работу – состояла председателем нашего местного товарищеского суда. Товарищеский суд в те годы рассматривал дела, связанные с мелким бытовым хулиганством и пьянкой. Допускались лишь две разновидности приговоров: или просто общественное порицание, или штраф в пятьдесят рублей. Мишина мать оказалась дамой очень активной, мобилизовала неисчислимое множество бабок – старых коммунисток и еженедельно учиняла судилище в красном уголке ЖЭКа. Там по много раз по-товарищески пересудили всех окрестных электриков, слесарей-сантехников и просто забулдыг. Оштрафовать никого из них не представлялось возможным – все заработанные деньги у них оперативно отбирали жены. Если же какой-нибудь несчастной доводилось замешкаться, зарплата пропивалась подчистую. Оставалось общественно порицать. И Варвара Матвеевна порицала пьянчужек самозабвенно.

Излишней скромностью Мишина мать не обладала. Она считала свою деятельность чрезвычайно важной и полезной для общества, а потому без устали строчила во все инстанции письма, в которых призывала установить ей телефон вне очереди. И своего добились: в гуськовской квартире телефон установили в числе первых. Точнее, они стали самыми первыми. Но если всем следующим счастливым присвоили номера новые, не бывавшие доселе в употреблении, то Гуськовым достался телефонный номер, принадлежавший до того круглосуточной службе неотложной помощи районного кожно-венерологического диспансера.

Помню день, когда Миша пришел к нам в гости и за чаем пересказал события в лицах. Звонить на их номер начали в первый же вечер. Варвара Матвеевна, разумеется, лично схватила трубку при первом же звонке. Она была уверена, что телефонная связь совершенно необходима для дальнейшего совершенствования работы руководимого ей товарищеского суда, и с восторгом решила, что первый же звонок – яркое подтверждение тому. Некий явно нетрезвый мужчина с трудом добрался до уличного телефона-автомата в половине первого ночи и не пожалел двух копеек, для того чтобы сообщить Варваре Матвеевне, что он только что вступил в половую связь. Более того, он не допускающим возражений тоном заявил, что теперь ему необходимо явиться к ней лично, причем немедленно. Гордость переполнило сердце Мишиной матери. Конечно, решила она, обращение в товарищеский суд после случайной связи – дело совершенно естественное. Она похвалила звонившего за мужество, но попросила все же дождаться восьми часов утра субботы, когда двери Ленинской комнаты нашего ЖЭКа гостеприимно распахнутся для всех, кому нужна товарищеская помощь и участие. Мужчина же, вместо того, чтобы обрадоваться, пришел в озлобление и неистовство. Он настаивал на немедленной встрече, аргументируя свое желание тем, что если бы Варвара Матвеевна только увидела, с кем он вступил в эту самую связь, она осознала бы, что принять его следует совершенно незамедлительно, вне всякой очереди. На щедрое согласие Варвары Матвеевна в виде исключения рассмотреть его дело на следующий день вечером после того, как она вернется с работы, мужчина ответил грубой бранью. А предложение «держать себя в руках» мужчина, видимо, вообще понял превратно. Он оскорбил Мишину мать «отглагольным прилагательным сексуального характера» и бросил трубку.

Вся следующая неделя стала для семьи Гуськовых сушим кошмаром. Звонки продолжались каждую ночь. Проблемы звонивших были, разумеется, чрезвычайно однотипны. Но напрасно Миша и Николай Корнеевич пытались втолковать Варваре Матвеевне, что произошла техническая ошибка, с которой нужно что-то делать, и следует обратиться для этого на телефонную станцию. Упрямая женщина утверждала, что просто раньше всем этим разврат-

никам и сластолюбцам было стыдно начинать процесс в товарищеском суде сразу с личной встречи с председателем. Но зато теперь... Теперь руководимый Мишиной матерью товарищеский суд не ограничится разбором пьяных матюков на лестничной клетке. Компетенция этого общественно-правового органа может быть поднята на высокий уровень грязного разврата и бытового разложения – вплоть до скотоложества. Действительно, в позорной связи с непривытными от чумки и бешенства бродячими животными честно сознался прозвонившийся Варваре Матвеевне в пять утра унылый башкир-дворник.

Сомнения заронились в наивной душе «товарищеской судьи» только после звонка сорокапятилетней непьющей и очень стеснительной учительницы музыки. С первой же фразы та исповедалась в своем безнадежном девстве и этим чрезвычайно умилила целомудреннейшую Варвару Матвеевну. Отчитавшись о своей беспорочной жизни, дама с рыданиями сообщила о поразившем ее несмотря ни на что... межпальцевом грибок! Этот самый грибок и раскрыл Варваре Матвеевне глаза. Грибок однозначно свидетельствовал об ошибке, так как грибок судить нельзя... никак! Даже по-товарищески.

Но и после прозрения Варвара Матвеевна отвергла все предложения мужа и сына относительно проблемы бесконечного ночного перезвона. Она не стала ни выключать телефон на ночь, ни ходить с заявлением на телефонный узел. Вместо этого она узнала у одной из старух-активисток номер домашнего телефона проживавшего по соседству главврача КВД и целых две ночи подряд переадресовывала к нему всех звонящих.

На третью ночь Мишину мать взяли.

Я помню, как Миша в лицах рассказывал мне, маме и бабушке о том, как это произошло. В четыре часа утра в дверь их квартиры начали барабанить. «Откройте, милиция!» – раздалось снаружи. Первым к двери добежала Варвара Матвеевна в ночной рубашке. За ней, словно тень отца Гамлета, в майке и кальсонах, хватаясь руками за стены, следовал Мишин отец-инвалид. После многочисленных контузий, полученных во время войны, он плохо видел, и его порой сильно качало. Осторожный Миша в коридор не вышел, но, высунувшись из своей комнаты, с интересом наблюдал за происходящим.

Едва открылась дверь, в квартиру ввалились два рослых сержанта с рацией.

– Что же вы безобразничаете, гражданочка? – пробасил один из них. – Вам государство телефон установило, а вы сразу его в хулиганских целях употребляете!

Кроме милиционеров, явились и сами пострадавшие: толстый лысый мужчина в пижаме, главврач КВД, и его жена, истеричная тощая брюнетка в халате и бигуди.

– Арестуйте их! Хулиганов арестуйте! – кричала она. – Что же это такое делается! Ни на кого управы нету! Соседи у нас – алкаши, который год дерутся, матерятся, и хоть бы что – а тут еще теперь и эти, телефонные хулиганы! Муж и так на работе угорает со своими сифилитиками с утра до ночи, а теперь мы все с ума сойдем! У меня дочь в музыкальной школе, ей на конкурсах еще выступать! А тут ей ночью звонят: рассказывают, кто кого развратом испоганил, прости господи. А как я ей запрещаю трубку брать, девочке моей?! Кто звонок первый услышал, тот и ответил. Мы же культурная семья! А тут такое рассказывают, у кого чего на каком месте вскочило да распухло! Как же можно так в ночи над людьми измываться? У матери моей – диабет! Вы знаете, что такое диабет? Это страшная болезнь!

Миша очень здорово изображал, как супруга главврача выпаливала свои слова, словно из пулемета.

Все, кроме папы, смеялись до слез. Даже бабушка Рая. Завершил рассказ Миша тем, что Варвару Матвеевну до середины дня продержали в опорном пункте охраны порядка и только после вмешательства высоких чинов из Верховного суда вернули семье.

Выслушав эту историю, мама еще больше укрепилась в сознании собственной правоты:

– Нам ничего и никогда не нужно быстрее, – говорила мама. – Мы получим телефон вместе со всеми, в порядке общей очереди.

Правда, бабушка Рая, однажды сильно простудившись, немного испугалась и выразила готовность написать просительное письмо хоть куда-нибудь. Как-никак вдова инвалида Великой Отечественной.

– Что ты! Зачем? – вскинулась мама. – Папа бы этого не одобрил. Разве он за то отдал свою жизнь, чтобы мы лезли куда-нибудь вне очереди?

– Да, но... – робко возразила бабушка. – Я ведь уже старая совсем. Если мне станет плохо, то... как же мне «скорую» вызывать, если что?

– Мама! У тебя есть мы. Ты не о чем не должна волноваться. Мы всегда рядом. И не смей болеть!

– Я и не болею... обычно... – покачала головой бабушка.

При этом я видела, насколько она гордится мамой. Однажды, разговаривая со мной по душам, бабушка призналась, что лишь дважды в жизни оказала на свою дочь хоть какое-то давление. В первый раз, когда маму звали после окончания института в аспирантуру, бабушка посоветовала ей не делать этого, а пойти инженером на завод. «Ведь для аспирантуры, для диссертации нужны очень большие способности! – объясняла мне бабушка Рая. – Смотри, как папа твой над диссертацией трудится. А Инночка в войну росла, была слабенькая. Какая там наука? А на заводе интересно. Способный ты или не очень, но сделал работу – и сразу видишь плоды своих трудов. Сегодня начертил, а завтра рабочие уже все уже сделали в металле. Ощущаешь свою роль в жизни завода, общества и даже целой страны. Ведь это же счастье!»

Бабушка очень гордилась тем, что мама послушалась ее и проработала три года после института на огромном машиностроительном заводе. Вместо того, чтобы перенапрягаться умственно и страдать от посещений аспирантуры по свободному графику, мама каждое утро к семи тридцати приезжала на проходную и проводила восемь часов у кульмана. Второй своей заслугой бабушка считала мамин брак. Подробностей я не знала, конечно, и бабушка тоже категорически отказывалась объяснять, почему в этом деле вообще потребовался ее совет, но очень упирала на то, что если бы не ее участие, то папа с мамой не были бы вместе, и я не появилась бы на свет.

Меня всегда очень интересовало, благодаря чему мои родители оказались вместе, и как мама выбрала в мужа моего отца. Что касается моей дочери, то она, по-моему, с рождения понимала, что мой собственный брак был досадной ошибкой, и родной отец интересовал ее не более, чем она его. Я сама почти сразу получила гордое звание матери-одиночки, но при этом представить не могла, как моя мама влюбилась в то существо, которое она называла тошнотворным словом «Борюсь». Они прожили вместе долгие годы, но я никогда не понимала, как можно было влюбиться в такого человека, как мой отец, или хотя бы увлечься им, или, хотя бы, лечь с ним в одну постель, чтобы сделать меня.

Хоть что-то о личной жизни своей мамы я узнала благодаря Ленке буквально на следующий день после «телефонизации» нашей квартиры.

Телефон нам установили днем, когда родители были на работе, а бабушка Рая ушла за покупками. Ленка стала вторым человеком, которому я позвонила со своего телефона. Первой была бабушка Рита. Но с бабушкой я поговорила очень быстро: продиктовала ей номер, пожаловалась на то, что телефон у нас все-таки «спаренный», то есть номер этот вроде только наш, но, если соседи из квартиры напротив будут говорить или даже просто плохо положат трубку, то мы не сможем ни звонить сами, ни принимать звонки. Впрочем, даже это досадное обстоятельство не испортило праздника.

Ленка очень обрадовалась моему звонку и пригласила меня в гости. Просто так. Ей было скучно одной дома и хотелось со мной поболтать.

Уроки я уже сделала, никаких кружков в этот день не было – и через полчаса я спускалась в метро. До станции «Багратионовская» ехать всего четыре остановки. По дороге я купила на имевшиеся у меня карманные деньги брикет мороженого за сорок восемь копеек. И мама, и бабушка всегда учили меня, чтобы я никогда не приходила в гости с «пустыми руками»!

Как я и думала, Ленке не терпелось поделиться со мной последними событиями своей жизни. Ее отношения с молодым человеком стремительно развивались, и держать всё в себе она просто не могла. А кроме того, ее очень волновало и радовало, что Дима, мало того, что был на целый год ее старше, он был еще сыном директора школы, где Ленка училась и где давным-давно учились обе наши мамы. В те времена, рассказала мне подруга, это была обычная районная школа. А теперь в ней появились специализированные классы с углубленным изучением разных предметов. Сама Ленка «углубленно изучала» литературу и французский язык, а Дима в этом году заканчивал математический класс и собирался поступать в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики или, короче, ВМК.

Выслушав рассказ, как счастлива Ленка в личной и во всей прочей жизни, я, честно сказать, не по-товарищески затосковала и, в свою очередь, поделилась своими печальями.

Хорошо, что подруга была устроена очень конструктивно. Она недолго выслушивала мое занудство про дебилов-одноклассников, про училок, которые меня терпеть не могут, какой бы вежливой и старательной я ни была. Ленка незамедлительно предложила мне поступать в ту школу, где училась сама.

С одной стороны, эта мысль меня чрезвычайно вдохновила, но с другой – мне казалось, что это слишком ответственный шаг, чтобы я принимала такое решение сама.

– Я не знаю, как мне договориться об этом с родителями...

– Они обязаны тебя поддержать! – перебила меня Ленка.

– Мама считает, что все и в старой школе было нормально, а все проблемы только внутри меня... Она хочет, чтобы я шла туда же, куда и все...

Я напомнила Ленке, что после восьмого класса нас всех должны были перевести преимущественно в профтехучилища, то есть ПТУ и в техникумы. Переход в нормальную школу-десятилетку нам представляли как непростое, неправильное и ненужное дело. Да и видеть у себя в девятом классе недавних учеников восьмилетней школы тоже мало кто хотел. На помощь родителей я рассчитывать, как обычно, не могла. Мама уже несколько раз говорила мне, что при моих не слишком хороших способностях и заурядных внешних данных, может быть, действительно стоит пойти вначале в какое-нибудь ПТУ, чтобы получить рабочую специальность. А уже потом, по маминым соображениям, мне нужно будет поступать в вуз на какую-нибудь инженерную специальность.

– А отец твой, что говорит по этому поводу?

– Папе не до того: он пишет диссертацию, – отвечала я.

– Твой папа всю жизнь пишет диссертацию! – раздраженно перебила меня Ленка. – Сколько себя помню, про отца твоего все время одно и то же: Борька пишет диссертацию!

– Но диссертация – это же очень серьезно, – я даже обиделась за папу.

– Да чего ты несешь! Кандидатская диссертация – это несерьезно. Кандидатскую все защищают... кому не лень. И трех лет на эту хрень более чем достаточно!

– Кто тебе это сказал? – спросила я, не подумав.

Ответ был, разумеется, очевиден:

– Папа, конечно. Он знает. Он докторскую быстрее написал, чем твой отец кандидатскую.

– Он что-нибудь говорит про него?

– Про твоего отца?

– Да...

– Слушай... Зачем тебе это надо? Их дела...

– А где эта школа находится? И что нужно, чтобы в нее поступить? Экзамены какие-нибудь?

– Рядом совсем. Для меня – это районная школа. Меня обязаны были принять, если я именно в нее хочу. И твоя мама тоже здесь раньше жила. Я еще ту вашу квартиру помню немного. Бр-р! Но тебе года не было, когда вы переехали. Так что ты теперь не местная, и чтобы к нам перейти, нужно будет пройти что-то типа небольшого экзамена. Собеседование, что ли...

– Тогда отменяется, – вздохнула я.

– Почему?

– Я, наверное, не смогу экзамен сдать.

– Как это не сможешь?

– Мама считает, что я не очень способная.

Действительно, мама никогда не скрывала от меня своего очень скептического отношения к моим способностям. Как, впрочем, и к своим собственным. Мама всегда настраивала меня на то, что я – середнячок, и должна исходить из реалистической оценки себя самой, чтобы не испытать в жизни «больших разочарований». Касалось это, разумеется, и моих внешних данных. Как-то вечером я стояла у зеркала и причесывалась. Мама тихонько подошла ко мне сзади и нежно обняла за плечи. Перед моими глазами возникло два лица – мое и мамино. Мама, как мне казалось, была очень красива в свои тридцать пять лет. Если бы не отвратительные темно-коричневые очки с толстенькими стеклами и не измученные чертежной работой воспаленные красные глаза, мама была бы неотразимо прекрасна. Себя я оценивать пока не бралась, но сходством с мамой довольствовалась вполне.

– Мы с тобой две серенькие мышки, – вздохнула мама. – Но ничего! Пусть нет у нас с тобой никаких талантов, и красотой мы не блистаем, зато мы есть друг у друга и это – главное. Ведь именно это – самое главное! Правильно, Анюта моя?

Кивнув головой, я отвернулась и заплакала. Заплакала тихо, чтобы не привлекать к себе внимания. Было очень горько. Вроде бы меня приласкали, а на самом деле, будто приговор зачитали и... мордой об зеркало...

Ленка никак не могла понять моей нерешительности.

– Оценки у тебя какие?

– Хорошие... – Вспомнив мамины слова про серую мышь, я не удержалась и заплакала.

– Ты чего ревешь? Что значит «хорошие»? Четверки, пятерки?

– Пятерки в основном...

– Так чего же ты мелешь, что не сдашь? Дура!

Ленка прервала беседу, и мы пошли на кухню есть мороженое. К мороженому она сварила кофе в медной армянской джезве.

У нас дома кофе варили в большом эмалированном кофейнике, не соблюдая особых правил. Обычно одного кофейника хватало на два дня. Бабушка Рая, когда ее просили, ставила его опять на плиту и опять кипятила.

У Ленки же варка кофе превратилась в целое священнодействие. Она даже сама молола зерна в деревянной ручной кофемолке. Уже на этом этапе по квартире плыл настоящий кофейный аромат, который никогда не исходит от растворимого кофе, да и молотый кофе из магазина пахнет совсем по-другому. Единственным недостатком процесса казалась его продолжительность, но Ленка объяснила, что это как раз важнее всего.

– Наслаждаться мы начинаем еще в процессе помола, – учила она меня. – А потом еще любуемся, как напиток вызревает на медленном огне. Кроме намолотого кофейного порошка и воды в джезvu положили несколько веточек гвоздики, щепотку черного перца и мед. Ленка сказала, что в их семье кофе варят только с медом. Причем разные сорта меда добавляют к

аромату напитка разные оттенки. Получалось у нее все так ловко, вкусно и красиво, что я сама собой вышла из постигшего меня уныния.

– Слушай, – вдруг вспомнила Ленка. – А ты школьные фотографии наших мамашек видела?

– Мне как-то не очень нравится слово «мамашки»...

– Хорошо... фотографии матушек наших видела?

– Так... вроде, не очень... нет...

Я даже сама удивилась. У отца был целый школьный альбом, а мамины старые фотографии мне вообще на глаза почти не попадались. Только одну хорошо помню, из детского садика. Маме там года четыре, и она очень худенькая вместе с еще какими-то детьми. Бабушка на заводе работала, помогать ей было некому, и мама с грудничкового возраста находилась в яслях, а потом в саду. Дети на той черно-белой фотографии смотрят не в камеру, а на стол. На столе – гора фруктов в тарелке: виноград, клубника, гранаты... Мама рассказала мне как-то со слезами, что это были муляжи, фотограф возил их с собой по всем детским садам и яслям, специально ставил на стол и фотографировал, чтобы родителям на заводе показывать, как дети их хорошо и полезно питаются. А давали-то по одному яблоку в день. Кормили очень скудно, но про убогое меню велели молчать, чтобы враги не узнали о том, что в Советском Союзе еще не всегда хватает продуктов питания. Мама сама очень расстроилась, что мне про это рассказала. Но потом решила, что все-таки нет худа без добра и эта фотография вместе с ее историей еще ярче иллюстрирует две важнейшие аксиомы нашей жизни: «невкусной еды не бывает!» и «тарелка должна оставаться чистой!»

Ленка притащила из родительской комнаты несколько альбомов и огромную выпускную фотографию, никуда не влезавшую. «Интересно, а почему у мамы нет такой огромной выпускной фотографии?» – еще раз подумала я.

Мы установили фото на стол и прислонили к стенке. Моему взору предстали лица незнакомых мне подростков, давно уже превратившихся во вполне взрослых дядь и тетя. Вот тетя Ира – мне кажется, что она здесь даже моложе Ленки. А вот и мама... Что она мне несла такое про мышиную серость? Потрясающе красивая девица. Тем более, что на выпускное фото она снялась без очков. Если бы не подписанная внизу фамилия, я ее вообще могла не узнать. При невероятной стройности у мамы была роскошная высокая грудь. А лицо казалось не просто ангельски прекрасным: беспомощно-близорукие глаза, не прикрытые, как обычно, очками, создавали впечатление какой-то неземной мечтательности. Мама напомнила мне картину «Отрочество Мадонны» Франсиско Де Сурбарана. Если бы я была парнем, то мой выбор непременно пал бы именно на нее.

Изучив ничем не примечательные лица маминых одноклассников, я подняла свой взгляд выше на фотографии учителей. И тут... Что это? Я увидела знакомое мне лицо. Прямо на меня, широко улыбаясь, глядел отец моего бывшего соседа по парте Олега Точилина – Кирилл Иванович Точилин. А вот и подпись под фотографией – «Точилин К.И., химия».

– Я его знаю! – воскликнула я и ткнула пальцем в юное лицо отца Олега.

– Еще бы! – почему-то с особым ехидством усмехнулась Ленка.

– Почему же химия? Он ведь геолог!

– Ты, что, правда ничего не знаешь?

Ленкины глаза буквально сверкали в предвкушении рассказа.

Удивляюсь сама себе: я выслушала странную историю про школьную любовь-морковь моей мамы, и мне даже в голову не пришло усомниться в истинности услышанного, так сильно мне хотелось поверить в то, что моя мама – женщина из плоти и крови, а не бесполое существо, созданное лишь для обеспечения «достойного выживания», собственного и ближайших членов семьи.

Оказывается, моя мама в десятом классе школы умудрилась влюбиться, что называется, по уши. И не в какого-нибудь одноклассника, а в учителя химии. Впрочем, в своей страсти к школьному «химику» она не была одинока.

Кирилл Иванович в молодости был ничуть не хуже, чем в сегодняшние сорок лет, – высокий, веселый, прекрасно играл на гитаре и пел песни известных бардов. За два года до того, как моя мама впервые увидела его, он закончил пединститут. Родом Точилин был из маленького районного центра в Волгоградской области. На геологический факультет МГУ он сразу не поступил – недобрал балл. Возвращаться домой с позором очень не хотелось. Но в МГУ дежурили «покупатели», члены приемных комиссий из тех московских вузов, где ожидался недобор. Гонцам из приемной комиссии педагогического института не пришлось долго уговаривать Кирилла Точилина – и по результатам университетских экзаменов он был зачислен в пединститут по специальности «химия», так как учителей геологии для школы не готовят – нет там такого предмета. Многие курсы у «химиков» и «геологов» совпадают. Многие, но не все, поэтому, уже по окончании института молодой учитель поступил все-таки на геофак МГУ на специальное отделение, где учатся те, у кого уже есть высшее образование. Точилин мечтал быть геологом, и он стал им. Так что ничего удивительного в его теперешней работе не было.

В школу, где учились мама и тетя Ира, он попал по распределению вместе со своим другом Шурой Тополевым. Шура (для всех, разумеется, Александр Захарович) впоследствии стал завучем, а теперь и директором знаменитой школы. Именно он превратил захудалое учебное заведение в место, куда стремилась отдать своих детей и внуков вся интеллектуальная элита Москвы. Александр Захарович даже ухитрился временно прописать друга в своей коммуналке, чтобы тот мог жить, работать и учиться в Москве.

Как Лене поведала ее мать, за сердце Кирилла Ивановича в школе шла самая настоящая война. Война всех со всеми. Причем девчонок в девятом и десятом классе почему-то мало волновало, что Кирилл Иванович уже совсем не молод. Ему тогда уже исполнилось двадцать четыре года. В семнадцать лет этот возраст кажется почти что старостью: я лично в свои тринадцать считала семнадцатилетних девиц важными взрослыми женщинами. Закончилась эта война самым неординарным образом: сердце Кирилла Ивановича досталось той единственной, которая в сражении не участвовала. Несмотря на всю свою красоту, которую признавали все, кроме нее самой, мама была очень застенчивой, стеснялась толстенных, уже в те годы, очков. Она действительно придерживалась очень строгих принципов и все время убеждала себя и окружающих в том, что Кирилл Иванович Точилин не мужчина, а учитель. Но сердцу не прикажешь. Разумеется, подробностей Ленка не знала, но главное – у моей мамы целый год продолжался роман, скандальный и... абсолютно неправильный. Он закончился сразу после выпускного. Закончился странно и неожиданно: Кирилл Иванович с мамой внезапно прекратили всякие отношения.

Расставшись, мама и Кирилл Иванович переженились с другими людьми. Мамин «другой» стал моим отцом, а Тамара Ильинична родила Олега. Кирилл Иванович после маминского выпуска в школе уже не работал и перешел, наконец, на геологическую работу.

Услышанное меня по-настоящему потрясло. Многие вещи предстали передо мной теперь совсем в другом свете. Даже отсутствие у нас дома маминых школьных фотографий стало более или менее объяснимым.

Перед моим уходом Ленка пообещала меня познакомить со своим молодым человеком, сыном директора школы, а заодно и узнать, когда и куда я должна пойти поговорить, чтобы к началу следующего учебного года даже духа моего в моей старой школе не было.

Я уже стояла в дверях, когда подруга еще раз меня остановила. Придирчиво рассмотрев меня с ног до головы, Ленка вернулась к себе в комнату и принесла оттуда самые настоя-

щие джинсы, джинсовую рубашку с простроченными нагрудными карманами и лишь немного поношенные импортные кроссовки.

– Все это в прошлом году мне папа из командировки из ГДР привез. Но я из этого выросла, а тебе как раз будет. Примерь, пожалуйста. Я тебя в том, что на тебе сейчас надето, видеть не могу.

– Одежда должна быть удобной, – заученно пробормотала я, глядя на предлагаемые мне сокровища. – Ведь для культурного человека неважно, во что он одет.

– В человеке все должно быть прекрасно – и душа, и одежда и так далее, и так далее! – процитировала Ленка. – Чехов сказал. Вряд ли ты будешь утверждать, что Чехов – некультурный человек.

– Да, но с какой стати ты мне все это даришь? Это же очень дорого!

В это время я уже нацепила на себя рубашку и джинсы и села на табуретку, чтобы обуть кроссовки. Все подходило идеально.

– Я из этого выросла. Поэтому не дарю даже, а отдаю, – ответила она.

– Но ведь это же можно в комиссионку сдать! Кучу денег дадут!

– Перестань! Какую кучу! Оценят все в копейки и себе же заберут. Мы так попадали уже. Считай, что тоже подарили, только непонятно кому. Не спекулировать же нам шмотками, в конце концов! Мне будет приятно тебя в этом видеть, – подытожила Ленка. – И мама с папой рады будут. Честное слово! Честное пионерское!

Не передать, какое сражение я выдержала дома, когда появилась с подаренными Ленкой вещами. Папа в сердцах обозвал меня попрошайкой и сказал, что ему теперь неудобно будет обсуждать свою диссертацию с Григорием Романовичем. Бабушка, вздыхая, доказывала мне, что джинсы на девочках смотрятся очень вульгарно, а от кроссовок наверняка распухают и болят ноги. Но хуже всего было то, что мама решительно забрала у меня пакет с вещами и, ни слова мне не говоря, заперлась в их с папой комнате, куда предварительно перенесла с галошницы наш новенький телефон. Провод был короткий, и ей пришлось простоять возле самой двери часа полтора – ровно то время, что она говорила по телефону с тетей Ирой. По окончании беседы с подругой мама объявила мне, что она устала и сегодня «никаких разговоров» уже не будет, а вот завтра мы спокойно и, не спеша, обо всем поговорим.

При мысли об этом спокойном и неспешном разговоре меня затошнило, но поделаться я ничего не могла и пошла в постель. Уснуть смогла только под утро – то ли сказался выпитый с Ленкой крепкий кофе, то ли предвкушение того самого завтрашнего разговора. Мама тоже не спала. Несмотря на то, что на следующий день ей, как обычно, нужно было ехать на работу к восьми, мама до трех ночи что-то делала на кухне при свете лампы.

Результат я увидела утром. Перед тем, как уйти из дома, мама тихонько подошла к моей кровати, погладила меня по голове и, улыбаясь, протянула мне джинсовую рубашку, что накануне подарила Ленка. К своему ужасу я увидела, что оба нагрудных кармана отпорты и перешиты на живот. Вместо красивой стильной вещи получилась уродливая хламида, пригодная разве что для того, чтобы выполнять в ней малярные работы.

– Я тебе рубашку подделала! Можешь одевать.

Я не сдержалась и зарыдала. О каком «подделала» можно было говорить?! Прекрасная вещь, рубашка, подобной которой у меня никогда не было, была жутко испорчена, превращена в никуда не годную тряпку.

– Что ты положишь в нагрудные карманы? Кому они нужны? А я перенесла их вниз и расставила так, чтобы было удобно в них все класть.

Мама ответила мне уже из дверей. На работу она никогда не опаздывала.

– Одежда должна быть фун-кци-о-наль-на!!! – На этих словах разговор закончился.

Входная дверь захлопнулась. Мама ушла. От моего плача проснулись бабушка и отец. Бабушка побежала в туалет, а отец набросился на меня:

– Мама всю ночь не спала, делала тебе эту рубашку. И что она получила вместо «спасибо»? Ты, Аня – просто неблагодарная свинья!

В этот день я не пошла в школу. Я сидела дома и перешивала назад карманы на рубашке. Шила я не ахти, но на эту нехитрую работу моего умения хватило. Я очень старалась сделать так, чтобы невозможно было отличить мою стежку от распоротого мамой фирменного шва.

Мои стремления к рукоделию, равно как и к любому творчеству в доме не особо поощрялись. Мама, обозвавшая нас с ней «серыми мышами», не готова была поощрять никакие мои потуги.

– Мы не такие блестящие люди, чтобы становиться журналистами и художниками, – объясняла она с неутомимым упорством. – Наш с тобой удел – быть простыми инженерами. Но если ты будешь очень много работать над собой, то сможешь выбрать и более современную специальность. Например, твой отец стал программистом, и мы все очень им гордимся. Но это очень сложная работа, которой ему приходится отдавать все свои силы. Тем более, что он решил написать и защитить диссертацию.

Нельзя сказать, что мама не радовалась, когда я сама записалась в кружок изобразительного искусства, лепки и валяния. Но когда я приносила что-нибудь из своих поделок, мама тяжело вздыхала и напоминала папе, что в ближайшее время нужно посетить Пушкинский музей.

– Нужно, чтобы Анюта посмотрела еще раз на настоящие скульптуры, – говорила она ему. – Ей должно самой стать понятно, в чем разница между настоящей скульптурой и обычной поделкой.

Я очень любила Пушкинский музей, но совершенно не хотела идти туда специально ради того, чтобы осознать уровень своего убожества.

Примерно так же все происходило с моими литературными потугами. Пару раз я пыталась показать родителям написанные мной рассказы и стихи. Папу, разумеется, мои опусы вовсе не интересовали, а мама, принимая из рук дочери тетрадку с рукописями, грустно вздыхала, предлагала сесть напротив нее и «приступить к работе над ошибками».

Перешивая карманы, я впервые прогуляла школу без всякой уважительной причины. Бабушка Рая не сказала мне ни слова, но по тому, как дрожали ее руки, когда она кормила меня обедом, я поняла, что нужно придумать все, что угодно, чтобы только вернуться домой вечером как можно позже.

Я решила навестить свою вторую бабушку Риту. Между нами не было такой близости, как с нянчившей меня с младенчества маминной мамой. Я хотела попытаться понять, как получилось, что папа у меня... в общем, именно такой, как он есть.

Я сказала бабушке Рае, что хочу навестить Ритулю, как она ее называла, и попросила немного денег, чтобы я могла купить что-нибудь к чаю. Бабушка так обрадовалась моему доброму порыву, что незамедлительно выдала мне целых три рубля, на которые в те времена можно было купить очень вкусный торт, типа «Праги» или даже «Чародейку».

Мои бабушки общались между собой крайне мало. У них почти не было общих тем: не совпадали их оценки людей и событий. Бабушка Рая отличалась добродушием и оптимизмом, а папина мама, наоборот, в основном была не в духе и постоянно на что-нибудь обижалась. Но, несмотря на все очевидные трудности, родственные отношения, по мнению бабушки Раи, необходимо было поддерживать. Так что мое благое желание, возможно, даже компенсировало то ужасное впечатление, которое вызвал ужасный факт прогула школьных занятий.

Перед тем, как выехать из дома, я решила предупредить бабушку по телефону.

– Я уже думала, что ты никогда мне не позвонишь!

В этом вся бабушка Рита! И когда я уже приехала, вместо радости, я услышала ворчание по поводу того, что не приезжала раньше.

Разговор «по душам» с бабушкой у меня так и не получился. Впервые в жизни я попыталась пооткровенничать с ней, но все, что мне пришлось услышать, не только ничего не дало мне, но сильно меня расстроило и раздражило.

Мне очень хотелось понять, почему папа столь безоговорочно всегда согласен с мамой абсолютно во всем. Я отчаялась узнать, есть ли у него собственное мнение сейчас, и прямым текстом спросила у бабушки Риты, было ли оно когда-нибудь.

Надо сказать, она страшно обрадовалась, что в моем вопросе содержится критическая интонация в отношении мамы, и разразилась целой речью о том, как Инна «отняла у нее сына». Из бабушкиного рассказа выходило, что папа в детстве был сущим ангелом, ее радостью и гордостью. И самое главное, Боренька всегда и во всем слушался свою маму Риту. «Ну прямо как Владимир Ильич Ленин, который слушался старших», – вспомнилось мне. Только страстная любовь к сыну помогла бабушке Рите перенести арест и гибель мужа. Взаимность со стороны сына составляла главный смысл ее вдовьей жизни. Я знала, как ужасно уничтожили моего безвинного деда, как бабушку Риту заставили отречься от мужа, угрожая в противном случае посадить и ее саму, а маленького папу оправить в детский дом. Но несмотря ни на что, бабушка никогда не переставала повторять, что не держит никакого зла на советское государство и на коммунистическую партию, в которой с гордостью состоит.

И вот, наконец, бабушка перешла к самой драматической части своего рассказа. В один прекрасный день появилась эта Инна и забрала у нее единственного сына. Бабушка так и сказала «эта Инна», словно не понимала или не желала понимать, что перед ней сидит дочь «этой самой Инны», по совместительству ее собственная внучка! Безусловно, мне порой казалось в, что я в состоянии критически оценивать свою маму, но, несмотря на это, я продолжала любить ее больше всех на свете. Мне было очень неприятно осознавать, что бабушка Рита испытывает к ней сильнейшую неприязнь. Я с трудом сдерживалась, чтобы не реагировать на постоянно повторяющуюся дурацкую фразу: «Она лишила меня сына!» В бабушкином голосе слышался самый настоящий надрыв. И мне было совершенно непонятно, почему, если не было никаких претензий к власти, на самом деле замучившей и убившей деда, то к маме моей, никого не убивавшей, эти претензии были. А ведь папа был не просто живым, но, судя по всему, еще и счастливым человеком.

«Она забрала у меня Бореньку! Он сразу стал совсем другим!» – причитала бабушка Рита. Я поняла, почему мы так мало и редко общаемся. «Она ездит на нем! Она не дает ему отдыхать, и поэтому он до сих пор не защитил диссертацию!»

После упоминания папиной диссертации мне стало совсем тошно. Я даже не доела свой кусок торта и начала прощаться, объясняя спешку необходимостью срочно делать уроки. Про себя я поняла только то, что папа до встречи с мамой пребывал в полном подчинении у бабушки Риты. «Папа всегда таким был – он просто сменил хозяйку!» Я сама ужаснулась такой жесткой и недоброжелательной мысли окопавшейся в моей голове.

Бабушка Рита моему объяснению про уроки, разумеется, не поверила. Она поджала губы и пробормотала что-то вроде «Правду никто слышать не хочет!» Не говоря больше ни слова, не поинтересовавшись ни делами родителей, ни здоровьем бабушки Раи, ни даже моими школьными успехами, бабушка побрела провожать меня к выходу из квартиры.

Жила она в такой огромной восьмикомнатной квартире, что маленькие соседские дети умудрялись ездить по коридору на трехколесном велосипеде. Когда-то бабушкина семья занимала целых две комнаты, одну побольше, другую поменьше. Но после того, как деда посадили, их с папой уплотнили – отобрали большую двадцатиметровую комнату и оставили только маленькую четырнадцатиметровую. Кто-то из соседей, втайне сочувствовал им, но кто-то надеялся, что семью врага народа вообще выселят и можно будет побороться и

за маленькую комнату. С тех пор сменилось целое поколение жильцов. Из прошлых бабушкиных соседей в квартире практически никого не осталось. Но, несмотря на это, бабушка практически ни с кем не общалась. Я даже не знала, кто еще живет в ее коммуналке, при встрече с каждым жильцом я просто произносила вежливое «здравствуйте».

В общем, навестив в очередной раз бабушку Риту, я испортила себе настроение, но ничего нового о родителях так и не узнала.

Как Ленка и говорила, для поступления в математический класс пришлось проходить собеседование. Я очень волновалась, готовилась несколько дней и, наконец, успешно прошла тест у учителя математики, высокого, тощего, как жердь, человека в таких же толстых, как у моей мамы, очках.

Дома к моему решению не идти в ПТУ или техникум отнеслись на удивление спокойно. Бабушка Рая шепнула, что я молодец. Мама серьезно поговорила со мной о том, что поступить в такую школу – это только половина дела, а главное – удержаться в «твердых середняках». Папа, убедившись, что мама больше не возражает против моего решения, высказался в том духе, что теперь нужно достойно распрощаться со старой школой и объяснить, почему я не продолжила учебу ни в одном из предложенных мне учебных заведений.

– Ты должна сделать все, чтобы оставить о себе там хорошие воспоминания.

О каких хороших воспоминаниях можно было говорить, я не знаю. Из всех одноклассников хорошие отношения когда-то у меня были только с Мишей Гуськовым. Но теперь он дружил с самыми главными хулиганами школы и состоял при их лидере великовозрастном второгоднике Сургучеве «придворным шутом». Мишу всячески унижали, но не били и не отбирали выдаваемую родителями мелочь. Любимой забавой «хозяина» было заставлять Мишу докуривать за ним «бычки». Миша привыкнуть к куреву не мог и страшно кашлял, но, чтобы порадовать Сургучева, испуганно кривлялся при сквозь слезы. Наблюдать за подобными сценами было мерзко. Даже продолжая сидеть за одной партой, мы с Мишей практически не разговаривали, и я понятия не имела, куда он пойдет после окончания восьмого класса.

В самом начале своего последнего учебного года в нашей восьмилетке мне удалось пересест от Гуськова. Моей соседкой оказалась новенькая, Катя Михайлова. Ее родители недавно развелись и разменяли квартиру. Катя с мамой оказались в однокомнатной квартире неподалеку от нас. Катя, не мудрствуя лукаво, пошла в самую ближайшую школу и сама записалась в последний, восьмой класс. Маме ее было не до чего – и не до дочери, в том числе. Дама «бальзаковского возраста», она предавалась страданиям по загубленной молодости и искала нового спутника жизни.

Катя была совершенно книжным ребенком. В мире, по-моему, вообще не существовало ни одной книги, которую эта маленькая худенькая девочка не «проглотила» бы за считанные часы. А кроме книг, ее вообще ничего не интересовало. Катино свидетельство об окончании восьми классов уже собирались отправить в ПТУ при комбинате железобетонных изделий, но я уговорила подружку пойти на собеседование в ту же школу, что и я. Я привела ее на собеседование буквально за руку. Таким образом, Катя Михайлова оказалась там же, но, в отличие от меня, в классе с углубленным изучением литературы.

Снова за одной партой

В новой школе меня ждал приятный сюрприз: моим соседом по парте оказался... Олег Точилин!

Список учеников моего нового класса вывесили возле учительской еще накануне, но я не особенно внимательно его просматривала. Больше всего меня волновало, записана ли я. Обнаружив свое имя в списке, я успокоилась и на другие фамилии не посмотрела. Не знаю, почему волнение не покидало меня. Я честно прошла собеседование, и мне твердо сказали, что я принята. Более того, я лично принесла и сдала свои документы. Но меня все равно не покидал иррациональный страх, что в самый последний момент что-то случится, и меня вернут туда, где я провела восемь бессмысленных и унылых лет. Глупость, конечно, ведь, девятого класса там уже не было.

Олег оказался внимательнее и «усадил» нас вместе на прилагавшейся к списку схеме. Мы вновь оказались за одной партой в первом ряду, точно так же, как восемь лет назад в старой школе.

Оказалось, что Олег Точилин учится в этой школе уже три года, с тех пор, как их семья вернулась в Москву из Египта, куда направляли работать его родителей. Давний скандал, связанный с Лениным, не оказал никакого влияния на судьбу Олега и его родителей. Разумеется, его родителей вызывали тогда в школу, и наша бывшая учительница вместе с директрисой битый час пытались их «проработать». Однако даже совместными усилиями две крошечные дурицы так и не смогли сформулировать, в чем именно заключается вина Точилина-младшего. Разговор закончился ничем, и никаких последствий, слава богу, не было. К этому времени вопрос о долгосрочной командировке в Египет был уже решен, и следующие несколько лет Олегу выпало учиться за границей в специальной школе для детей советских специалистов. При этом сразу три предмета – русский язык, литературу и английский – преподавала его собственная мама. Папа же искал залежи полезных ископаемых и, судя по всему, немало в том преуспел.

Олег ни разу не напомнил мне о том, как его не пустили ко мне, когда я заболела ветрянкой, а я, в свою очередь, не стала рассказывать ему, что мне известно о давних отношениях между моей мамой и его отцом.

Два года, проведенные в новой школе, оказались замечательными. Раньше я даже не могла представить себе, что могу с такой радостью вставать рано утром и, сломя голову, бежать к метро, чтобы успеть на первый урок. Мне нравились и учителя, и одноклассники. Наконец, я твердо знала, что у меня в школе есть два друга: Олег и Ленка.

Ленка не только помогла мне изменить жизнь, но и продолжала вести себя как настоящая верная подруга, хотя училась на класс старше и, разумеется, на год раньше меня закончила школу. Ее Димка, как и планировал, поступил в университет на факультет ВМК, а Ленка решила учиться по той же специальности в МИИТе. Когда Ленке исполнилось восемнадцать, они поженились.

Моя дочь Машка всегда с особым вниманием слушала рассказы об Олеге Точилине, но так и не смогла добиться от меня объяснения, почему наша школьная дружба закончилась ничем.

Честно говоря, я и сама не могу до конца этого объяснить. Мы были вместе до самого конца экзаменов и нелепо расстались летом перед поступлением в институт. Я не могу сказать, что была влюблена в Олега, но как-то само собой разумелось, что мы – с ним пара. Я, конечно, опешила и даже раздражилась, когда моя собственная дочь в лоб спросила меня, спала ли я со своим молодым человеком, когда училась в школе... Но при этом я понимаю, что не задумываясь пошла бы на это, если бы он настаивал. Когда Олег впервые поцело-

вал меня, я внезапно перестала ощущать себя «серой мышью», и я пошла бы на все, чтобы забыть тот мамин «мышастый» приговор. Олег был слишком деликатен. Когда он обнимал меня и прижимался ко мне всем своим упругим мускулистым телом, я чувствовала, как он хочет меня, как рвется ко мне через одежду его плоть, и мне очень хотелось помочь ему и ответить не только поцелуем. Моя верная подруга Ленка поделилась со мной опытом и дала несколько ценных советов, но я была слишком зажата и слишком стеснялась собственной неловкости, чтобы взять все в свои руки.

Разумеется, мои родители не пришли в восторг от того, что прерванные много лет назад отношения с Олегом и его семьей возобновились. Настороженность в отношении к Точиленным никуда не делась. Но мама, не показывая вида, принимала Олега у нас дома. А меня привечали Кирилл Иванович и Тамара Ильинична. Теперь я понимала, что все в жизни не так просто, но, разумеется, притворялась, что ничего не знаю про мамин давний роман.

И, вот, однажды мы с Олегом сходили на спектакль, поставленный тем самым великим актером, от одного вида и звука голоса которого у меня с детства дрожали колени. Это была инсценировка «Братьев Карамазовых». «Великий» режиссировал этот спектакль, и единожды по ходу действия лично выходил на сцену для того, чтобы прочитать «Великого Инквизитора». Он не доверил это актеру, исполнявшему роль Ивана, а читал сам, как мне показалось, совершенно гениально. Только ради него я пошла на этот спектакль, точнее, попросила Олега пригласить меня.

Олег уже с девятого класса подрабатывал. У него были прекрасные преподавательские способности, и он давал частные уроки математики и английского. Английским после Египта Олег владел очень хорошо. За уроки с младшими школьниками платили мало, к тому же желающих заниматься было весьма ограниченное количество, но Олегу хватало, чтобы сводить меня в кино, в театр и даже посидеть в кафе-мороженом «Космос» на Тверской, тогда еще улице Горького. Мои родители, разумеется, не знали о том, что Точилин подрабатывает частным образом, иначе серьезного и неприятного разговора было бы не избежать. К тому времени я уже научилась не рассказывать маме всего, а спорить с ней была не готова – в первую очередь потому, что в глубине души знала, что мама всегда права. Родители, конечно, тоже давали мне немного денег на «разгул», но это было несравнимо меньше, чем требовалось для того, чтобы два раза в неделю сходить в театр и ни в чем себе не отказывать в театральном буфете.

«Братья Карамазовы» закончились не поздно, была предвыходная пятница, и я пригласила Олега зайти к нам домой попить чаю. До этого я всю дорогу восторгалась тем, как потрясающе прочел «великий» «Великого Инквизитора». Свет погасили не только в зале, но и на сцене. Лишь одинокая свеча освещала прекрасное одухотворенное лицо благородного гения, и в кремешной черной пустоте звучал его глубокий прекрасный голос.

Меня раздражало, что Олег не спешил разделять мои восторги, равнодушно отнесся к моим речам и, казалось, думал о чем-то своем. Причем он пребывал в некоторой прострации с самого начала вечера. Он нежно сжимал мою ладонь в своей руке, улыбался, глядя на меня, но никакого отношения к моим переживаниям это не имело. Несколько раз он, даже попытался крайне неуклюже сменить тему и напомнить о том, как ему понравилось погружаться с аквалангом на Красном море. Перебивая мои славословия в адрес «великого», Олег упирал на то, что не видел ничего красивее, чем подводный коралловый мир, и мечтает когда-нибудь побывать там еще раз и снова погрузиться, и непременно сделать это вместе со мной. Я же была просто раздосадована, что меня перебивают, тем более, что в те времена мысль о погружении с аквалангом к кораллам Красного моря казалась мне не более реалистичной, чем идея о прогулке в скафандре по поверхности Марса.

Пожимая плечами, я продолжала говорить о своем.

Наконец, мы добрались до дома. На кухне к нам присоединилась только мама. Бабушка неважно себя чувствовала и уже легла спать, а папа работал с замечаниями каких-то очередных оппонентов по поводу его диссертации. Пока закипал чайник, я повторила маме рассказ о замечательном спектакле и в подробностях описала поллюбившийся мне эпизод, в котором участвовал обожаемый мною актер.

– Ну, а тебе, Олег, что больше всего понравилось? – обратилась мама к моему молодому человеку.

– Бутерброды с салями, – улыбнулся он. – И пиво «Золотое кольцо».

– Неужели Достоевский не тронул? – покачала головой мама.

– Ну, во-первых, это был не сам Достоевский, а лишь спектакль по мотивам «Братьев Карамазовых», а во-вторых... во-вторых, я терпеть не могу Достоевского, – признался Олег.

– Как же это можно не любить Достоевского? – развела руками мама. – Ведь он же гений!

Олег не был заядлым спорщиком. Даже в разговоре со мной он всегда старался избегать таких тем, где имелся хотя бы малейший шанс на расхождение во мнениях. Отметив, в чем мы не совпадаем, он потом осторожно, деликатно и исподволь старался переубедить меня. Часто я сама не замечала, как принимала его сторону. Но в этот раз он оказался на удивление резок.

– Инна Дмитриевна! Вот вы сейчас сказали сразу две странные вещи: вы сказали, что не любить Достоевского нельзя, и сказали, что он гений. Но, простите, не любить можно что угодно и кого угодно. Это, несомненно, дело вкуса. И второе: кто сказал, что Достоевский – гений?

– Это сказали многие по-настоящему понимающие люди. То, что Достоевский – гений, знают все!

– А я, простите, не знаю. И берусь доказать, что написанное Федором Михайловичем, подчас не только безнравственно, но, плюс к тому, еще и нелогично, неграмотно и беспомощно в художественном смысле. Хотите, возьмем книжку «Карамазовых» или «Преступление и наказание» – и я покажу вам, Инна Дмитриевна...

– Не хочу, Олег! Советую тебе почитать серьезных критиков и не считать, что ты умнее всех!

Подозреваю теперь, что мама давно ждала, когда сможет достойно поставить Олега в неудобное положение. Ей очень хотелось, чтобы я увидела как можно больше его недостатков.

Олег позеленел от раздражения и отодвинул от себя только что наполненную чашку чая. Желая как-то ослабить возникшее напряжение, я произнесла:

– Но ведь совершенно несомненно, что «Великий Инквизитор» написан действительно гениально, и сегодня он был гениально исполнен гениальным актером!..

– Просто ты гениальный зритель, Аня! Запасшись заранее тезисом о «гениальности», ты готова прочитать то, что не написано, и услышать то, что не сказано.

– Но ведь не я же одна! – воскликнула я, и обрадовалась, заметив, что мама одобрительно кивнула мне.

– Вопросы искусства не решаются голосованием. Знаете, Инна Дмитриевна, я обожаю сказку про голого короля. Вот это – шедевр! Не ней зиждется огромная часть всего мирового искусства – от Рабле до Писсаро. Автор попадает в «струю», и дальше даже тысячи мальчишек, вопящих, что король-то, на самом деле, голый, не заставят толпу осознать, что цена тому, что мы сегодня видели, – ломаный грош!

Вдруг меня пронзила мысль: Олег, наслушавшись моих славословий в адрес «великого» актера и режиссера, меня просто приревновал! Сейчас я, конечно, понимаю, какая это была чушь, но тогда, сама не знаю почему, с моих уст само собой сорвалось:

– Знаешь, Олег, многим амбициозным людям, не имеющим достаточно таланта, подчас остается только поливать грязью тех, кто их неизмеримо выше!

Я даже не задумалась, как оскорбительно звучали мои слова. Перед моим мысленным взором стояло бледное вдохновенное лицо и слышались полные явного и потаенного смысла слова из «Великого Инквизитора».

На кухне воцарилась тишина. Оскорбленный Олег поднялся и как-то нерешительно и грустно сказал:

– Извините... мне не хочется чаю... мне, пожалуй, домой пора...

Еще не поздно было остановить его, попытаться обратить все в шутку, но я не сделала этого. Я молча поднялась, пропустила его в коридор и даже не подошла к двери, чтобы проститься.

– Молодец! – похвалила меня мама. – Ты повела себя очень достойно и мудро, как настоящая женщина. Парень просто зазнался... И отсутствие хорошего воспитания дает себя знать!

Я кожей почувствовала, насколько мама терпеть не может не столько самого Олега, сколько его мать... да и Кирилла Ивановича заодно.

– Не волнуйся! – продолжила мама после минутной паузы. – Он завтра и позвонит, и придет, и извиняться еще будет! Будь тверда, Аня!

Через полчаса у нас зазвонил телефон. Мама взяла трубку. Звонила Тамара Ильинична, поинтересовалась, у нас ли Олег. Мама строго ответила, что Олег заходил, но уже ушел, а она, в свою очередь, просит никогда не звонить нам так поздно, так как, в отличие от людей «свободных профессий», и она сама, и мой папа очень рано встают и очень устают на работе.

Странно, во время этого разговора меня не покидали две мысли: первая – что мама, как всегда права, и вторая – что, если моя судьба окажется сломанной, то именно мама будет ответственна передо мной за мои неудачи и даже несчастья. Сама не понимаю, почему мне казалось важным осознание того, что за меня несет ответственность кто-то старший? И почему моя дочь Маша совсем другая?

Олег не позвонил. Я тоже не стала звонить ни на следующий день, ни после. Мне, честно говоря, очень хотелось набрать его номер, но, всячески подбадриваемая мамой, я сдержалась и не стала этого делать.

Я не звонила целых две недели. А потом узнала, что тем вечером, когда Олег шел от нас, в его дворе мои бывшие одноклассники Сургучев и Коротков пытались изнасиловать какую-то незнакомую девушку, шедшую из гостей к метро. Олег вступился за нее и получил удар ножом в живот. Врачи чудом спасли ему жизнь, а спасенная девушка, пока он болел, не отходила от его постели. Когда Олег выздоровел, она в его постель перебралась, да там и осталась. Эта девушка стала его законной женой.

А я опять сделалась никому не нужной «серой мышью». За весь первый курс института меня никто не пригласил ни в кино, ни в театр, никто не попытался даже поцеловать. Единственным мужчиной, с которым я чувствовала какую-то эфемерную связь, оставался тот самый «великий». И, хотя я была уже вполне взрослой и, казалось бы, разумной девушкой, по ночам продолжала грезить о том, что мы когда-нибудь встретимся с ним. Я специально делала все, чтобы не слышать про его детей, жен и любовниц, про семейные дрязги и скандалы – все это было неважно. Я осознавала, что, защищая его честь, я потеряла любимшего меня молодого человека. При нашей встрече «великий» просто обязан будет освободиться и от всех своих многочисленных вериг Гименея, и от сокрушающего влияния Бахуса. Мы будем оба свободны – он и я, и мы будем вместе счастливы – он и я. Какой бред!

Скажу совершенно честно: моя дочь Маша стала первым человеком на земле, с которым я поделилась своими девичьими мечтами, глупыми и смешными, как мне казалось...

К моему потрясению, она не стала смеяться, а наоборот, мрачно насупила брови. Я попыталась хохотнуть сама:

– Ну, не дура ли я была? А, Маш?!

– Нет, не дура... Дурой была бабушка!

– Как ты можешь так говорить?! – возмутилась я непочтительностью своего ребенка.

– Хочешь, я ей сама скажу, что она дура?

Я понимала, что от внучки Маши мама выслушает все что угодно.

– Тебя надо было к доктору вести, мама. К психиатру! Еще чуть-чуть – и меня бы в помине не было: ты бы или таблеток наглоталась, или с моста бы кинулась!

Самое дикое, что Маша права. В свои семнадцать-восемнадцать лет я не знала, зачем живу. Меня не интересовала та наука, которой я училась на четверки и пятерки. Я не хотела становиться программистом. Я проклинала тот день, когда отпустила Олега, и я проклинала себя за то, что не заставила его лишиться себя невинности. Даже девственность стала для меня невыносимым свидетельством собственной ненужности. После нескольких проникновенных бесед с мамой о «мышастости» я окончательно осознала, что не нужна больше никому – ни как жена, ни как любовница, ни даже как бл... на одну ночь. Моя жизнь не имеет никакого спроса. Я не-во-стре-бо-ва-на! И мысли о суициде порой действительно искушали меня своей радикальной простотой.

Замуж – туда и обратно

Я никогда не понимала маминого выбора, но еще меньше понимаю саму себя. Думаю, что судьба свела меня с этим человеком исключительно для того, чтобы появилась Маша. Ни для чего другого он не пригодился, и к счастью, его след в моей судьбе остался очень коротким.

Валера Ярцев был моим одногруппником. Очень способным, рассеянным и несобраным самородком, к тому же – высоким и замечательно красивым парнем. Валера окончил школу на окраине Воскресенска с золотой медалью и не поступил в университет только потому, что перепутал сроки подачи документов. Для меня до сих пор загадка, как он их вообще не потерял и довез до нашего института. Рассеянностью и несобранностью он не просто напоминал моего бывшего одноклассника Мишу Гуськова, но многократно превосходил его.

Мать растила Валеру одна. Отец-алкоголик нигде никогда не работал дольше недели. Однажды ранним зимним утром он взял удочку и поехал на велосипеде на рыбалку. Сгинувшего главу семейства откопали из оттаявшего сугроба в полукилометре от дома только по весне, в конце марта. Валерке тогда не исполнилось еще и пяти.

Откуда у него взялись такие феноменальные способности, никто понять не мог – ни на одной из ветвей родового древа ни в одном поколении не было ни одного хоть сколько-нибудь грамотного человека.

Поступив в институт, Валера поселился в общежитии в комнате с двумя парнями с Кавказа. Те, хоть и числились студентами экономического факультета, ничем, кроме разгула, не занимались: пили водку и водили девок. Воскресенский математический гений не вписывался в их праздник жизни, и отношения в комнате создались самые что ни на есть ужасные. Валеру несколько раз били, порой просто не пускали ночевать. Комендант общаги и подонки из студсовета получали от Валериных соседей мзду чачей, фруктами, а то и просто деньгами, поэтому защиты просить было не у кого.

Однажды я пришла на семинар по «матану», Математическому Анализу, раньше других, и обнаружила, что Валера оказался в аудитории еще раньше. Он спал, сидя за столом, уронив голову на руки. Услышав, что не один, он поднял лицо, и я увидела, что губы его разбиты, бровь рассечена, а под глазом расплылся огромный фингал. До сих пор не знаю, что у него произошло в ту ночь с соседями по комнате, но после занятий я пригласила его к нам домой. Он с радостью пообедал с нами, а потом остался и на ужин.

Тихий, говоривший почти шепотом молодой человек очень понравился и маме, и бабушке Рае. А папа просто пришел в восторг, когда тот внимательно выслушал его полуторачасовой рассказ про диссертацию и про то, как мешает его работе дурацкая новая концепция персональных компьютеров. Валера, как обычно, шепотом, застенчиво глядя в пол, сказал, что, возможно, результаты, полученные папой, можно попробовать использовать не только для больших компьютеров, но и для современных распределенных сетей. Папа торжествовал. Я вообще никогда не видела своего нудноватого серенького отца таким сияющим.

Как-то так получилось, что Валера поселился в нашем доме. Его регулярно оставляли ночевать на раскладушке в нашей с бабушкой Раей комнате. Периодически он вздыхал, что из-за того, что у него нет московской прописки, он не сможет получить распределение в тот НИИ, где занимаются настоящей наукой. Вся моя семья жалела бедного студента.

Однажды мама завела со мной разговор на тему «Валера – твой шанс».

– Мне кажется, что тебе стоит самым внимательным образом присмотреться к этому мальчику, – сказала мама. – Мы все, и бабушка, и отец, и я, считаем, что это именно такой человек, с которым нужно строить семью.

Признаться, я была несколько удивлена такой постановкой вопроса. Я никогда не воспринимала Валеру как ухажера. Еще более рассеянный и безалаберный, чем Миша Гуськов, он, конечно, был намного способнее его. А, кроме того, в отличие Миши, уродливого и похожего на спившегося гнома, Валера отличался иконописной красотой. Зато он был напрочь лишен чувства юмора, и это раздражало. Но главная проблема заключалась в том, что сам Валера не проявлял лично ко мне никакого интереса. Он с удовольствием пользовался гостеприимством моей семьи, хвалил бабушкину стряпню, беседовал с папой о компьютерном прошлом и во всем соглашался с мамой, о чем бы она ни говорила. Но он ни разу не попытался не то что поцеловать меня, но даже взять за руку. Не было речи ни о каких совместных походах ни в театр, ни просто в кино.

– Скажи мне пожалуйста, Аня, – мама продолжала на меня давить. – Разве у тебя есть кто-нибудь, хоть немного сравнимый с Валерой?

Честно говоря, у меня вообще не было ни одного ухажера с того вечера, как из нашего дома ушел расстроенный и незаслуженно обиженный Олег.

Я объяснила маме, что не вижу, чтобы Валера проявлял ко мне хотя бы малейший интерес.

– Я тебе кое-что объясню, дочка, – вздохнула мама. – Я думала, что ты уже достаточно взрослая, чтобы отличить спокойное любовное отношение настоящего мужчины от того пубертатного истерически-сексуального увлечения, через которое мы уже, по-моему, прошли раз и навсегда.

И мама открытым текстом, без всяких намеков разъяснила, что, по общему мнению, для Олега я была исключительно объектом сексуального вожделения, вызванного гормональной бурей в организме невоспитанного мальчика. По ее словам, Валера, хоть и происходил из чрезвычайно простой семьи, был от природы мудр и интеллигентен. По мнению всех членов моей семьи, Валера просто очень стеснялся сделать мне предложение, так как боялся отказа из-за страха, будто его заподозрят в стремлении к московской прописке.

– Но отец уже объяснил Валере, что наша семья не мещанская, и мы будем только рады, если поможем способному мальчику не только создать семью, но и сделать настоящую научную карьеру.

От изумления я не находила слов, но мама решила, что на меня так подействовало слово «карьера».

– Научная карьера, Аня, не имеет ничего общего с карьерой в пошлом мещанском смысле этого слова.

До сих пор не понимаю, как это получилось, но Валера стал моим мужем.

Последующие события и вовсе представляются мне сегодня полным бредом.

Ради того, чтобы мы с Валерой могли жить вместе, бабушка Рая переехала на раскладушку в комнату родителей. Честно говоря, я так и не разобрала, что пробормотал себе под нос Машкин отец, когда делал мне так называемое предложение.

Перед свадьбой мы съездили к его матери, чтобы я смогла познакомиться с будущей свекровью. Жирная и одышливая, эта женщина вдобавок к нерасполагающей внешности обладала противным и визгливым голосом. Говорила она много, бессвязно и косноязычно, все время хвалила себя за честность и откровенность. Мне она сообщила, что я «окрутила» ее сына, а ему объяснила, что он дурак и весь в своего отца. Ни обеда, ни чая нам не предложили. Через полчаса бессмысленной беседы Валера встал и, не прощаясь, побрел прочь из материнского дома. Я потянулась вслед за женихом и его мать больше никогда не видела.

Никакой свадьбы нам, слава богу, не организовывали. Расписавшись в районном загсе, мы пообедали дома, после чего отправились в свадебное путешествие – мои родители подали нам на свадьбу путевку на теплоход до Питера и обратно.

Наша первая брачная ночь проходила в двухместной каюте речного теплохода. Ни туалета ни ванны, ни душа в нашей каюте не было, удобства предоставлялись одни на всю палубу. Вдобавок ко всему выяснилось, что Валера не имел никакого представления об интимной стороне жизни, и я с огромным трудом добилась, чтобы он, наконец, лишил меня девственности. Было больно, противно и очень унижительно. Зато я сразу же забеременела. По возвращении домой он никогда даже не делал попыток к близости. А через месяц у меня начался ранний токсикоз. Валера страшно испугался и... к потрясению моих домашних, ушел из дома. Спасибо ему за это!

Он не исчез, продолжал ходить на занятия в институт, но вел себя дико: так меня сторонился, что у наших сокурсников возникло подозрение, что моя семья совершила с парнем нечто ужасное.

Мое положение стало настолько невыносимым, что я перестала учиться и взяла академический отпуск. И мама, и бабушка находились в шоке, а отец беспрестанно шептал себе под нос:

– Мы должны понять, в чем мы сами не правы.

При этом он затравленно смотрел на маму, ожидая поддержки и подтверждения, но мама лишь отворачивалась. Пару раз она подзывала меня для разговора, но заговаривала только о том, что после родов я должна буду вернуться к учебе, чтобы достойно завершить образование, а они с папой и бабушкой Раей приложат все усилия, чтобы ребенок нормально рос и развивался. Мне оставалось только благодарить маму.

Внезапно наступил момент, когда отцу стало не до меня и даже не до мамы. Эра огромных вычислительных машин наконец завершилась (вообще-то, это уже давно стало очевидным фактом). И вот, в один прекрасный день папе сообщили, что его лаборатория закрывается вместе со всеми ее темами. Папина научная работа была связана именно с этим устаревшим, долго умиравшим и, наконец, окончательно скончавшимся семейством вычислительной техники и потому теперь она полностью потеряла актуальность – а диссертация его стала самой обыкновенной макулатурой.

В две недели папа превратился из средних лет нудноватого мужчины в совершенно несчастного, непрерывно брюзжащего деда, обвиняющего всех и вся в своей напрасно прожитой жизни. Он настолько упивался своими страданиями, что даже смерть матери, бабушки Риты, прошла для него почти незаметно. Мама призывала меня с пониманием отнестись к трагедии человека, всю жизнь писавшего никому не нужную диссертацию. Сама она целиком сосредоточилась на папиных страданиях и стала, думаю, единственным человеком на земле, согласным непрерывно слушать чушь о том, чем старые огромные малопроизводительные ЭВМ лучше новых заполонивших весь мир компьютеров. Кроме нее, выносить этот словесный понос никто был бы не в состоянии.

Когда бабушка Рита только заболела, я постеснялась сказать, что неплохо бы попробовать прописать кого-нибудь из нас в ее комнате на случай, если... в общем, чтобы жилплощадь не пропала. Правда, потом я узнала, что папа сам попытался предложить бабушке Рите поменять нашу двухкомнатную квартиру и ее комнату на «трешку». На предложение бабушка жутко обиделась и заявила, что понимает, что ее хотят поскорее похоронить и построить счастливую жизнь на костях никому не нужной старухи. Тема снялась сама собой.

Валерка неожиданно появился в нашей квартире за месяц до Машкиного рождения. Он воспользовался своим ключом, когда никого из нас не было дома. Бабушка Рая вернулась из магазина и обнаружила, что Валерка вместе с какой-то пятидесятилетней теткой в платке в горошек в компании подвыпившего ЖЭКовского слесаря пытаются установить замок на дверь комнаты, которая снова стала нашей с бабушкой спальней. Оказалось, мой благоверный записался в какую-то секту, принял обет послушания и теперь обязался адепту-настав-

нику отдать свою жилплощадь на общие нужды. Своей жилплощадью он, разумеется, считал комнату, выделенную моей семьей для нас, молодоженов.

Проявив невиданное самообладание, бабушка вызвала участкового, который не без труда выставил моего супруга и его «сестру по вере» из нашего дома. Несмотря на присутствие стража порядка, приведенный ими слесарь уходить просто так не желал и требовал бутылку за беспокойство. Я застала только самый конец драмы. Валера тихо и уныло покинул поле проигранной битвы, но тетка в платочке не стеснялась и орала на весь район. Увидев меня, она обрадовалась вновь открывшимся возможностям и, указывая на мой огромный живот трясущимся перстом, завопила:

– Вот она, блудница! Заманила грехом брата нашего! Научила гадостям непотребным! Дьявола, дьявола носишь во чреве своем!

При этих словах бабушка Рая побелела, схватилась за сердце и рухнула на пол. Приехавшая через полчаса «скорая» диагностировала инфаркт. Получилось так, что Маша появилась на свет в родильном отделении той самой больницы, где в кардиологическом отделении лежала бабушка Рая.

Валеру я больше никогда не видела. Институт он не закончил. В армию не пошел, получил «белый билет».

Несколько лет назад наткнулась на его фотографию в газете, занимавшейся расследованием деятельности тоталитарных сект. Оказывается, сектанты интересно и высоко духовно проводят время. «Братья и сестры» церкви «нагих праведников» начинают день с того, что, раздевшись догола, читают библию на морозе, а по вечерам молятся под гармонь и пьют собственную мочу. Особенно продвинутым адептам позволено добавлять в собственную урину немного мочи духовного лидера, «блаженного отца» Лавра. Валера, насколько я понимаю, там в первых рядах. Увы, великим математиком Машин отец так и не стал, зато удостоился славного имени «благочестивый брат Онан». Так, во всяком случае, его представил корреспондент газеты. Но, что интересно, прописан Валера до сих пор в нашей старой квартире.

Разумеется, никто из домашних не рассказывал Маше эту историю. Покрывив душой, я наврала дочери, что ее отец бросил меня из-за другой бабы. О если бы!

Бутылочка в «Дикообразе»

Суд оформил наш развод, и я снова оказалась одна. То есть теперь у меня, разумеется, была дочь Маша, в которой я души не чаяла. Мама постоянно мне объясняла, что Маша и есть смысл моей жизни, и я не должна отвлекаться ни на что иное. Под «иным» имелись в виду не только возможные в перспективе сердечные привязанности, но и любимая и, что немаловажно, прибыльная работа.

Из «академки» в институт я так и не вернулась. Поняв, что пора хоть в чем-то настоять на своем, я занялась поисками специальности, которая меня бы реально интересовала. Еще во времена занятий в художественном кружке, где я училась рисовать и лепить, мне очень понравилась профессия дизайнера. Причем больше всего меня интересовал дизайн интерьерера, в том числе использование света. Стыдно признаться, но важнейшим фактором в таком интересе, судя по всему, стало мое подспудное отвращение к декору нашего семейного гнезда. В доме был блестяще реализован принцип «бедненько, но чистенько». Безусловно, лично мне никогда и в голову бы не пришло покушаться на мамины принципы обустройства нашей теперь уже совсем тесной квартиры. Но падение советской власти позволило превратить увлечение в профессию – и со временем то, к чему меня тянуло, стало реальным источником существования.

Став, в конце концов, хозяйкой своего собственного маленького бизнеса, я смогла решить даже самый тяжелый, квартирный, вопрос и обзавестись собственным жильем, а потом купила квартиру и для подрастающей Маши.

После истории с Валерой мама стала чуть меньше и чуть осторожней встревать в мою личную жизнь, но моя работа ей все равно не нравилось. Как это ни дико, маме очень мешало, что мы перестали быть нищими. Она наотрез отказывалась заходить со мной в кафе или в ресторан и даже приготовленные мной деликатесы ела без всякого удовольствия, не переставая вздыхать, что вместо того, чтобы готовить два часа какое-нибудь блюдо из морепродуктов, я могла бы сходить с дочерью еще раз в Третьяковскую галерею.

– И посмотреть там на натюрморт, изображающий вино и рыбу? – спрашивала я маму. – Вместо того, чтобы выставить их на своем столе? Да?

Мама только безнадежно махала рукой.

Она несколько раз предлагала мне отказаться от бизнеса, объясняя, что я не должна отвлекаться от воспитания собственной дочери и, что возможность приобретать новые вещи и ездить в отпуск на море ничего не стоят, если я не могу уделять ребенку достаточно внимания. Я, разумеется, соглашалась с мамой в том, что внимание важнее дорогих игрушек, но все же старалась совместить обязанности матери с интересной и любимой мной работой.

Мне повезло нанять хорошую няню. Мама тоже иногда соглашалась посидеть с внучкой. Случалось это не часто, так как, во-первых, мама продолжала работать, а во-вторых, ее совершенно измучили папины страдания и тяжелая болезнь бабушки Раи, после инфаркта пораженной еще и инсультом. К моему удивлению, мама относилась к Маше совсем не так, как в свое время ко мне. Возможно, на внучку у нее не оставалось времени и сил, но мама ей практически ничего не навязывала и порой с гордостью рассказывала, как моя дочь умна и самостоятельна в своих мыслях и решениях.

При этом на меня мама продолжала давить по любому поводу. Ужаснее всего было то, что она продолжала меня убеждать, что о личной жизни мне, матери-одиночке, теперь вообще не следует беспокоиться, так как это не главное. Важнее всего – дочь, а остальное не имеет никакого значения. То есть рассуждения о судьбе серой мыши продолжались.

Однажды, когда мама нашла у меня несколько морщинок на висках и принялась меня утешать, что и без этих морщин внешность никогда не была моей сильной стороной, я не

выдержала, накричала на нее и напомнила, что из-за ее советов потеряла единственного достойного человека, желавшего связать со мной жизнь.

При упоминании истории с Олегом Точиным мама заплакала и сказала, что мне должно быть очень стыдно от того, что я сваливаю свои проблемы на мать, и что я всегда должна помнить лишь о том, что если бы тогда я не рассталась с Олегом, то никогда не родила бы от Валеры дочь Машу.

– Ты только что своими словами легко и просто предала одновременно и свою мать, и свою дочь!

От этих слов я впервые в жизни пришла в бешенство и ушла из родительского дома, хлопнув дверью. Но уже по дороге домой поняла, что мама опять во многом права, и пожалела о своей резкости. А потом я узнала, что через два часа после моего ухода скончалась бабушка Рая, с которой я даже не попрощалась.

На похоронах я искренне попросила у мамы прощения. Та кивнула, грустно глядя на неблагодарную дочь из-за толстых стекол своих старых уродливых очков.

В личной жизни, действительно, ничего не клеилось. Мужчины, которых я встречала на работе или в отпуске, оказывались или неинтересными, или уже женатыми. Как правило, впрочем, они были и скучны, и несвободны одновременно. Сексуальные эпизоды были и редкими, и убогими. Я с удивлением убедилась, что вовсе не фригидна, но ни подлинного счастья, ни страсти мне испытать не удалось.

Чтобы не замыкаться лишь на бизнесе, я придумывала для себя, а иногда и для нас с Машкой какие-то хобби. Мы ходили в походы, ездили на лошадях. Вот только дайвингу я училась одна. Пару раз мама соглашалась побыть с Машкой целую неделю и отпускала меня съездить на Красное море понырять с аквалангом.

Я никогда не забывала нашего с Олегом разговора по дороге из театра. Как же он был прав тогда, восхищаясь коралловым миром! До меня доходили слухи, что Точилин опять не женат и занимается подводным плаванием профессионально. В глубине души я надеялась, что жизнь подарит мне еще один шанс на новую встречу с моим... соседом по парте. Но, увы...

Впрочем, единственным по-настоящему возжеленным мужчиной для меня по-прежнему, как это ни глупо, оставался тот самый великий актер и режиссер. Я накупила кучу кассет и дисков с его фильмами и спектаклями и чуть ли ни каждый вечер, уложив спать Машку, проводила хоть немного времени перед экраном телевизора, любуясь мужчиной своей мечты. Разумеется, я и не надеялась повстречать его лично и побывать у него дома. Но судьба все же подарила мне такой шанс!

После окончания школы я не общалась практически ни с кем из одноклассников даже из своей последней любимой школы. Человек я мирный и никогда не ругалась, но жизнь как-то быстро нас развела. С кем-то я иногда встречалась на улице, о ком-то слышала из тех или иных источников. О Кате Михайловой, которую я «сосватала» в свое время в гуманитарный класс, говорили, что она процветает, хорошо и успешно работает редактором где-то на телевидении. А ведь в школе Катя казалась стеснительной и немного замкнутой, но милой и чрезвычайно интеллигентной девушкой, такой изысканной и грамотной речи не было ни у кого из нас.

Однажды я купила целых две ее книжки. Увидев Катину фамилию на обложке книги, продававшейся на развале возле метро, я перевернула для верности томик и увидела фотографию, свидетельствующую о том, что моя одноклассница не сильно изменилась. «Слава богу!» – подумала я и купила и эту книжку, и еще одну, немедленно предложенную мне бойкой продавщицей.

– Прекрасный выбор! – похвалила меня она и тут же уверила, что, раскрывая любой из Катиных романов на первой странице, никто не может уже остановиться до самого конца.

В глубине души я и сама полагала, что так все и есть. Но, увы, жестоко я ошиблась. Тем же вечером я плюхнулась в кресло и начала чтение. Оба приобретенных мной детектива не имели связного сюжета, зато были до отказа переполнены всевозможной «расчлененкой». Кровь пропитывала каждую строку Катиных произведений и даже не сочилась, а потоками стекала со страниц. Разумеется, я несколько расстроилась, но это было не первое и, боюсь, не последнее мое разочарование в художественной литературе.

И надо же: именно в тот день и час, когда я с раздражением захлопнула на середине второй томик Катиных шедевров, зазвонил телефон, и я услышала в трубке характерно грасирующий Катькин голос. Легка на помине!

– Здравствуй! Ты меня узнаешь? – спросила она.

– Катька?

– Да...

– Конечно, узнаю!

– Значит мне Ленка правильный телефон дала! И здорово, что ты меня помнишь!

«С какой стати моя подруга Ленка могла дать Кате неправильный номер?» – удивилась я про себя.

– Как же я могу забыть тебя! Я как раз читаю твои шедевры: «Совесь под замком» и «Тело на выброс».

– Ой!.. Тебе понравилось?

Я вздохнула и ответила, как могла корректно:

– Честно говоря, не очень... Прости...

Катька тоже вздохнула на другом конце провода:

– Ты вежливая! Мне совсем не нравится. Не мое это...

– Так зачем же тогда...

– Деньги зарабатываю. Такое чтиво сейчас в мейнстриме. Ничего другого пипл не хавает. Приходится...

Из Катиных уст «пипл не хавает» звучало неестественно. «Эх! – подумала я про себя. – И эту сивку-бурку укатали крутые горки!» Но вслух произнесла только:

– Сочувствую...

– Спасибо, конечно, за понимание... Но я тебе по делу звоню.

– Интересно!

– Не хочу по телефону. Мы можем встретиться?

Через сорок минут мы сидели в небольшом подвальчике «Дикообраз» возле гостиницы «Украина». Это не совсем обычное заведение, магазин-бар, один из любимых моих проектов. Мы так удачно оформили этот магазин, что владельцы потом неоднократно заказывали моей фирме дизайнерскую работу в других своих точках. В основном сюда приходили для того, чтобы купить бутылку очень хорошего вина, деликатесного сыра или безумно дорогого зеленого чая. Среди новорусской богемы становилось модно разбираться в зеленом китайском и японском чае.

Приобретенные в «Дикообразе» деликатесы можно было или забрать с собой, или попросить откупорить, нарезать и заварить прямо на месте. Для подобных целей в небольшом закутке за винными стеллажами стояли четыре маленьких стеклянных столика, и имелся набор необходимой «правильной» посуды. Еду здесь не готовили, поэтому посидеть приходили в основном «свои» – совладельцы заведения и несколько дюжин постоянных клиентов, любящих пообщаться в тишине за рюмочкой чего-нибудь неординарного. Я имела в «Дикообразе» большую скидку и особое внимание персонала, меня регулярно приглашали на «закрытые» дегустации вин, коньяков и сыров. А, кроме того, я прослушала целый курс лекций по китайским и японским чайным церемониям. Разумеется, занятия не были исключительно теоретическими, так что в элитных сортах чая я тоже научилась раз-

бираться. Однажды я даже привела туда маму. Но она не только осталась равнодушной к утонченным гастрономическим радостям, но и выразила неудовольствие и разочарование тем, что я готова тратить время на лекции про дорогую еду и питье.

– А на что мне тратить время? – спросила я.

– Разумеется, на свою дочь!

– Но она как раз любит сюда ходить. Ей нравится и хорошее вино, и сыр, и еще она очень любит чай, особенно японский. Просто, сегодня, она пошла на день рождения к подружке...

– Она молодец! – ответила мне мама. – Общение со сверстниками – это очень важно! Жаль, что ты этого так до конца и не поняла...

Мне нечего было маме ответить. Больше я ее с собой не брала. Я продолжала дегустировать бордосские и бургундские вина, закусывая их рокфором и сент-агюром, но, несмотря ни на что, меня мучили угрызения совести, когда я представляла себе, что в это время мама ест дома бутерброд со странно пахнущим пошехонским сыром и запивает дрянным чаем, купленным в сетевом супере.

Как обычно, в позднее время посетителей встречал особо доверенный администратор. Молодой толстенький армянин по имени Карен приходился дальним родственником одному из совладельцев заведения. Карен восторженно поприветствовал меня, церемонно поклонился Катьке и немедленно проводил нас к столику. Артистически закатив черные выпуклые глаза, Карен сообщил, что только что поступило несколько *бутылочек* замечательного эльзасского гевюрцтраминера позднего сбора. Карен помнил, что я неравнодушна к белым винам с французского берега Рейна. По его словам, он сердцем чувствовал, что именно сегодня я осчастливию его своим визитом, а потому парочку *бутылочек* он с самого утра охлаждает в *холодильничке*. Все, что касалось вина, в устах Карена неизменно сопровождалось суффиксом «чк». Грубое слово «бутылка» в адрес вместилища какого-либо акогольного шедевра он произнести был просто не в состоянии.

К эльзасскому я попросила нарезать тарелку горгонзолы. Катя сразу сказала, чтобы с ней не советовались, так как в вине она ничего не понимает, а из сыров знает только российский и костромской. Выглядела она замученной и задерганной, но по-прежнему юной, нисколько не повзрослевшей. Синяки под глазами у Кати и в школе всегда появлялись перед контрольными и экзаменами. В отличие от всех нормальных людей, она по ночам не спала от волнения и до самого утра готовилась.

– В общем, так, – сразу приступила она к делу. – За книги прости, не для тебя писала...

– Прощаю с легким сердцем! – рассмеялась я. – Поехали дальше!

Карен на минуту отвлек наше внимание, артистически открыв возле столика «эльзасскую флейту» – высокую тонкую *бутылочку*, созданную специально для рейнских вин. Соблюдая этикет, он налил немного вина в мой бокал. Я отпила и одобрила. Гевюрцтраминер обладает неповторимым ароматом, обусловленным одноименным эльзасским сортом винограда, а вкус варьируется в зависимости от производителя, времени сбора и еще множества причин. В этот раз вино оказалось чуть более сладким, чем обычно. Именно за этот медовый вкус, получающийся в результате подвяливания прямо на ветках переспелого винограда, знатоки и ценят «поздний сбор».

Карен наполнил до половины наши бокалы, обмотал горлышко накрахмаленной салфеткой и воткнул *бутылочку* в приготовленное заранее *ведерочко* со льдом. Пожилая профессорского вида дама в очках с седым пучком на голове величественно установила перед нами тарелку с пронизанной голубой плесенью горгонзолой. Сыр был нарезан на маленькие кубики, а в центре тарелки стояла водочная стопка с деревянными зубочистками, предназначенными для натывания сырных кубиков.

– Ну вот, все и готово! – Карен с удовлетворением потер руки. – Приятной беседы вам, милые дамы.

«Профессорша» величественно и строго уплыла в свой деликатесный отдел. Наш сомелье тоже удалился, совсем по-чаплински переставляя короткие ноги, обутые в остроносые лаковые туфли.

– Теперь мы, наконец, вдвоем? – Катя не без некоторого недоумения косилась на элегантную в своей скромной сдержанности сервировку.

– Безусловно! И прослушивающей аппаратуры здесь, я думаю, тоже нет.

Катя махнула рукой.

– Да какая прослушивающая аппаратура! В общем, так: ты, насколько я помню и насколько я знаю, всегда пользовалась успехом у мужчин.

Слышала бы мама Катькины слова! Наверное, она помнит, что весь девятый и десятый класс я пользовалась неизменным успехом моего единственного Олега Точилина. Все в школе знали тогда, что мы – пара. Слава богу, что Катька никогда не видела Машкиного отца.

– Гм... Это смотря что имеется в виду под успехом и смотря что имеется в виду под мужчинами.

– Да ладно тебе кокетничать!

Катя залпом выпила свой бокал и тут же поморщилась.

– Зачем ты так торопишься глотать? – удивилась я. – Это вино нужно почувствовать...

– Прости, похоже на «Буратино», но без газа! – перебила меня Катька. – Хорошо, что хоть холодненькое.

С моей стороны комментариев не было, но если бы Карен предусмотрительно нас не покинул, то, услышав Катькины слова, наверняка, упал бы в обморок прямо на бесценные стеллажи с *бутылочками*.

– В общем, так: мне нужен мужик. Точнее, нам.

– Ну, во-первых, всем нужен. Во-вторых, кому это «нам»? И почему в таком случае один? И, наконец, в-третьих, где же я тебе его, на ночь глядя, возьму?

– Очень нужно! Нам на передачу нужно! Я на женском ток-шоу работаю... Сценарист, редактор и так далее...

– Карена позвать?

– Зачем?

– Он мужик. Его и возьмите!

– А он как вообще? Он, думаешь, нам годится?

– Сомелье он отличный! А в других качествах не знаю, не пробовала. Вам, во всяком случае, ночью лучше не найти.

С тем, что *лучше им не найти*, Катя, не спорила, и это её откровенно печалило. Она уныло пожевала кубик горгонзолы.

– А ты уверена, что его можно есть?

– Кого? Карена?! У вас женское ток-шоу или каннибальское, в конце концов?!

– Нет... Это я про сыр... У меня, когда сыр плесневеет, я его всегда выбрасываю... В магазине я, конечно, все эти рокфоры видела, но как-то все не решалась купить... И плесневелый он, и дорогой ужасно... К чему?

На этот риторический вопрос у меня ответа не было.

– А шутить он вообще умеет? – Катя, похоже, вернулась от сыра к кандидатуре Карена.

– Ага! Всё время шутит, – кивнула я. – Не переставая. Позвать, чтоб... шутканул?

Катя явно подумала, что я над ней издеваюсь. Что, надо сказать, было недалеко от истины.

– У нас тоже все время шутят, – вздохнула она. – Только не смешно совсем...

В глазах Кати Михайловой стояли слезы.

– Так расскажи все-таки, какой именно нужен мужик и для чего он нужен?

То, что разговор будет уже исключительно дурацкий, я понимала. Но все рано его требовалось довести до логического конца. Я решила, по крайней мере, воспользоваться тем, что говорить теперь предстояло преимущественно Кате, и спасти оставшуюся в *бутылочке* часть великолепного и очень дорогого вина от судьбы выдохшегося непотребного напитка «Буратино». На горгонзолу же Катя вообще не покушалась. Попробовав единственный кубик, она его выплюнула на блюдечко. Видимо, утвердилась в мысли, что заплесневевший сыр предназначен исключительно для мусорного ведра.

Я изобразила на лице внимание и, взяв в руки бокал, как могла внимательно слушала путанный и сбивчивый Катин рассказ, избилующий к тому же совершенно лишними деталями. Про ее знаменитое ток-шоу я, конечно, слышала, но не видела ни одной передачи.

По словам Кати, их *искромётное* ток-шоу к данному моменту вовсю «загибалось». Однако, исчерпав все мыслимые темы для обсуждения и все сроки эфирной жизни, оно должно было сохранять на удивление высокий рейтинг, а значит, помимо всего прочего, продолжало кормить всю свою команду, включая Катю. В случае закрытия большинство занятых в проекте людей окажется на улице. Ведущую, Яну Большакову, такая перспектива огорчала, но она, по крайней мере, не оставалась без куска хлеба. Ей было куда идти – в театр, где Яна продолжала работать, в кино, куда ее иногда приглашали, наконец, у Яны имелись вполне преуспевающие и не старые еще родители. Для остальных ситуация складывалась куда сложнее. За несколько лет успешного эфира люди ничего не скопили, но привыкли ощущать себя при постоянной работе и зарплате.

Ток-шоу было устроено следующим образом. Из массы женщин, желающих выступать в качестве героинь, отбирали наиболее приемлемых с точки зрения правдоподобия и интересности историй, а также с точки зрения вмещаемости и способности связно говорить. Передача выходила еженедельно, но студию снимали для записи на два-три дня в месяц. За день записывали, как правило, две передачи, и только иногда – одну. На сцене стояло три кресла – для героини и для двух дам-экспертов: «традиционалистки» Вали и «феминистки» Нади. Кроме того, в студии сидело несколько десятков женщин, пожелавших увидеть свое лицо на телеэкране. Имелся небольшой «загончик» и для пятисеми мужчин. Места в загончике были заняты практически всегда одни и теми же убогими созданиями, а, если называть вещи своими именами, то непонятно как собравшимися вместе психически больными людьми. Почему судьба собрала их в этом «загончике» еще на заре становления ток-шоу, никто не знает, но к моменту нашей встречи с Катей скорбное мужское сообщество окончательно замкнулось в себе. Эти ущербные создания организовано приходили на каждую запись и не пускали в свой «загончик» чужаков. Очень переживали, если кто-то из *собратьев* отсутствовал по причине обострения психического состояния (зачастую то одному, то другому мужчине требовалась экстренная госпитализация).

По залу с ослепительной улыбкой на лице дефилировала Яна, держа микрофон в руке. Вначале она опрашивала героиню о причинах, заставивших ее прийти на шоу. Более или менее связно та рассказывала о том, что с ней, болезнью, приключилось. Потом женщины из зала высказывали своё мнение по поводу заслушанной истории. Как правило, несли они жуткую ахинею, которая меркла только в сравнении с речами, произносимыми из мужского «загончика».

После этого кошмара очередь доходила до Вали и Нади. Валя считала себя профессиональным графологом и зарабатывала на жизнь определением деловых свойств клиентов и предсказанием их судеб по почерку. Надя внушила всем и, главное, себе самой, что она – писатель с большой буквы, а также драматург, журналист и политический деятель в одном лице. К моему глубокому омерзению, я раньше наткнулась на несколько ее статей. Лейтмотивом Надиных публикаций было страстное требование легализации древнейшей жен-

ской профессии. Конечно, внесение проституции в список законно признанных профессий – видимо, правильный шаг для снижения криминальности этого неизбежного общественного зла. Но все равно нельзя не порадоваться, что Наде не удалось пробиться в российскую Государственную Думу. С ее напором ей, вполне может быть, удалось бы не только легализовать публичные дома, но и добиться законодательной обязательности их посещения. Представляю, как на выходе из каждого вестибюля московского метро милицейский патруль отлавливает несчастных затравленных мужичков и, наряду с пропиской в паспорте, проверяет отметку о дате последнего посещения борделя. При отсутствии такого штампа максимум недельной давности за проверкой следует арест или, в лучшем случае, штраф «без оформления»! Не сомневаюсь, именно обязательность всеобщего блядства была Надиной главной идеей и высшей целью.

Так или иначе, обе вышеупомянутые дамы на протяжении вот уже нескольких сезонов пользовались непререкаемым авторитетом среди домохозяек, учащихся профтехучилищ, а также тружениц малого и среднего бизнеса.

На съемку каждой передачи уходило приблизительно два часа, из которых редакторы должны были нарезать около сорока минут. В сетке вещания Ток-Шоу выделялся ровно час на все про все вместе с рекламой.

Катина идея заключалась в том, чтобы в качестве третьего эксперта посадить мужчину, который слегка оживил бы обстановку. Однако несколько рассмотренных образчиков оказались столь нудными и никчемными, что идея начала терять поддержку. По словам Кати, я была ее последней надеждой.

– Знаешь, дорогая, – заметила я после того, как она, иссякнув, смолкла. – Знала бы я стоящего мужика, то с ним бы жила.

– А я думала... может, несколько есть... Парочка хотя бы... Одного – нам...

– Ты, что, родная, бредишь?! Несколько! Я уже вообще подумываю, не заделаться ли лесбиянкой.

– Это ты-то?

Вино с сыром изрядно подняли мне настроение, и я с немалым удовольствием изгалялась над Катей.

– Конечно, я!

– Ты это серьезно?

Я вздохнула и полушутя, полусерьезно призналась Катьке, что мысль о сожительстве с женщиной и ведении с ней общего хозяйства мне никогда не казалось дикой. Спать в одной постели тоже лучше именно с женщиной – приятнее пахнет и не храпит. Вот только секс без этой штуковины мне пока казался занятием несколько странным, скучноватым и вычурным.

– Так есть же всякие имитаторы, вибраторы и прочие приспособления... – подсказала Катя.

– Ага! Наконец-то я нашла того, кто в этом вопросе поделится со мной опытом.

– Ты что! – Катька замахала на меня руками. – Какой у меня опыт? Просто передачу одну делали... там героиня всякую хрень про всю эту херотехнику рассказывала... Короче, дура полная!

– Знаешь, – вдруг мне в голову пришла шальная мысль. – А предложи-ка ты меня вместо мужика! Традиционалистка с феминисткой у вас уже есть. А пусть будет еще и пофигистка – я, то есть.

– Нет... – Катька грустно помотала головой. – Не годится, мужик нужен.

Я развела руками.

– Кстати, мне вдруг пришло в голову... то есть внезапно. Могу я спросить... Ты со своим школьным приятелем, с Олегом Точиным... Ты с ним как-то общаешься? Не знаешь, где его найти?

По тому, как густо Катька покраснела, я поняла, что она с самого начала рассчитывала найти через меня Олега, и именно ради него, отнюдь не только ради встречи со мной, причалась на нашу встречу.

Я подозвала Карена. Маленькая тоненькая *бутылочка* благодаря моим усилиям закончилось, и я попросила заварить нам чай Тегуанинь, несомненно лучший из китайских улун-ов. Иногда почему-то этот совершенно фантастический чай называют чуть по-другому, Текуанинь. Однажды, на весенние каникулы, мы с Машей съездили в Сингапур. Ей тогда только что исполнилось двенадцать лет, нашей главной целью был, разумеется, остров-парк Сентоза, но и по самому городу мы тоже немало походили. На Очард-роуд мы наткнулись на магазинчик, где продавалось четыре вида Тегуаниня: весенний сбор, летний, осенний и смешанный. Там, в самом магазинчике, при дегустации, я еще хоть как-то смогла их различить, но в Москве я никогда не понимаю, какой из подвидов пью.

К чаю Карен принес горький малайский шоколад «Беррилз». Увы, и здесь я не угодила школьной подруге. Отхлебнув из чашечки-скорлупки бледно-зеленую жидкость, источавшую тончайший аромат, она откусила кусок темного, почти черного шоколада и... сразу же выплюнула его на бумажную салфетку, робко сознавшись, что больше всего любит запивать шоколад «Аленка» черным сладким «тем самым» чаем со слонем на этикетке. Я ощущала себя лисой из басни дедушки Крылова. Кстати, внешне Катька всегда слегка напоминала цаплю.

– Может быть, мы попросим положить в этот чай сахарку? – робко спросила несчастная цапля-Катя. – Чтобы легче в горло проскакивал!

К счастью, сахара у Карена не водилось. «Еще хорошо, что мы не дошли до сигар!» – подумала я, как раз в тот момент, когда Катя выудила из сумочки какие-то дрянные сигареты.

– Будешь? – спросила она, протягивая мне пачку.

– Не курю и тебе не советую.

– Совсем не куришь?

– Раз в полгода кальян.

– Значит, не куришь. Молодец! А у нас все курят – вонища!

Мне нечего было сказать, и я развела руками.

– Слушай, а у тебя же был муж...

– С чего ты взяла? – Я с отвращением вспомнила Валеру.

– Ну, у тебя же дочь есть... и я так думаю...

– А ты не думай! – я как-то слишком грубо оборвала Катю. – Нет его! И не было никогда! Во всяком случае, я так... медитирую...

– Значит, совсем говно, – понимающе кивнула Катька и затянулась сигаретой.

– Совсем.

– А знаешь, давай, ты у нас в качестве героини про него расскажешь. И передача хорошая получится, и тебе, вроде как, типа катарсиса... Полезно, кстати! Выскажешься на людях и полегчает.

– Да-да, помню. Из Достоевского: старуху зарубил, покаялся перед всем народом, землицу грязную поцеловал и – айда в Сибирь!

– Да ладно тебе! Давай, выступи! Я скажу своим, что хоть мужика не нашла, но зато героиню, что надо, привела – ты, ведь, с юмором, бойкая такая... и не тупая, как всякие там... Согласна?

Мне всегда хотелось оказаться «по ту сторону экрана». Кому не интересно увидеть себя в телевизоре? Правда, меня, мягко скажем, не тянуло распространяться перед всем миром о своей убогой личной жизни. Ведь все знакомые это увидят и услышат... и Маша, опять-таки...

– А давай я про свой бизнес расскажу? – предложила я Катьке. – Не про личную жизнь, а именно про бизнес.

– Понимаешь, Ань, бизнес в чистом виде не годится, не тот формат. Бизнес – это несомненно важная часть твоей жизни, но что-то личное непременно должно быть все равно. От личного никуда не денешься. Неужели тебе никто в бизнесе твоём никто не мешал? Муж твой, прости, ушел, случаем, не из-за того, что ты такая деловая?

– Да нет, о чем ты говоришь? Это все еще в институте случилось. Как только я забеременела, он и ушел...

– Красиво! По-мужски! – понимающе кивнула Катька. – У нас каждый второй такой... в смысле не у нас, а у наших героинь многие мужики именно такие. Типично, типично!

– Знаешь, Катюха, – продолжила я после непродолжительной паузы. – У меня другие препятствия были.

– Какие, интересно?

– Меня дома не поддерживали... и не верили в меня... – Неожиданно для самой себя я почувствовала, что вот-вот заплачу.

– Родители?

– Мама! Папе вообще все до ж... всё все равно, кроме его дурацкой диссертации, которую он так и не защитил. А вот мама все время мне объясняла и объясняет, что я... я «серая мышь»! Такая же, как она сама. Хотя я ее не вижу мышью, она сама себя в эту серость загнала... зачем-то... А вот отец, он, действительно... серый... серый!

Тут я заметила, что Катька ревет в три ручья.

– И у меня тоже... тоже...

– Что у тебя тоже?

– Я, если садилась перед зеркалом подкраситься, то мама сзади всегда становилась и вздыхала: «Тебе этим можно не заниматься. И в кого ты у меня такая некрасивая девочка уродилась? Бедная ты бедная!» Себя она, правда, в отличие от твоей мамы, серой мышкой не считала. Сейчас у нее очередной... даже не знаю, как его назвать... на пятнадцать лет ее моложе... Режиссер из Липецка... Пидор!

– Человек гадкий?

– Нет! – Катька шмыгнула мокрым от слез носом и попыталась улыбнуться. – Он, как теперь говорят, пидор в хорошем смысле. Богема, блин!

– Тогда он матери твоей зачем, – недоумевала я, – ежели он голубой? Или у них высокое платоническое чувство?

Катька махнула рукой.

– Какое там платоническое! Он нормальным прикидывался, чтобы у матери поселиться. А теперь говорит, что если она его выгонит, то он из окна выбросится.

– И что делать?

– Не знаю! Он один раз выбросился! Вернулся весь в грязи через десять минут – у нас же первый этаж.

– А у тебя не было мыслей маму с ее... этим... на передачу позвать?

– Боюсь, придется когда-нибудь это сделать! Он так и рвется, ему реклама нужна. Хочет, чтобы передача была как бы про маму, но на самом деле про него. И название хочет такое, типа: «Мой возлюбленный – режиссер!»

– И что?

– Хрен ему! Я соглашаюсь только на «Мой хахаль – педик!» И знаешь – он согласен! Но вот мама пока не готова, думает.

– Ее можно понять!

Я представила себе, что должна чувствовать дама после подобного эфира своего дыхателя.

– Все ерунда! – уловила ход моих мыслей Катька. – Процентов девяносто людей ради того, чтобы появиться на экране, готовы на все или почти на все, во всяком случае, на нетрадиционный секс со спившимися осветителями, с парнокопытными животными и даже с представителями низшей фауны – это вообще не вопрос!

– Ну да?!

Честно говоря, я не знала, кого отнести к представителям низшей фауны, но все равно отнеслась к сказанному с некоторым недоверием.

– Карен! Вас можно, Карен?! – внезапно выкрикнула Катька и энергично замахала руками, готовясь вскочить с места.

Карен все же успел подбежать первым:

– Меня, конечно, всегда можно, – просиял он. – Но лучше вам все-таки заказать чего-нибудь вкусенького!

– Карен, милый! – Катька умоляюще сложила руки. – Я как раз насчет вкусенького! Водки у вас нет?

Я чуть не упала со стула. Но Карен, внимательно осмотрев наши заплаканные лица, ничуть не удивился. Уже через пять минут на нашем столе все вновь переменялось: возник запотевший графин с какой-то супермодной водкой, а в качестве холодной закуски мы получили оливки и испанский хамон.

О том, как мы договорились о съемках, я помню смутно. Все тот же Карен позаботился, чтобы нас с Катькой в целостности и сохранности доставили по домам.

Эфирная жизнь

В день съемки я, как обычно, распределила работу по своим немногочисленным сотрудникам, а затем направилась в Останкино.

На семнадцатой проходной меня ждала Катя с уже готовым пропуском.

По дороге в студию я внезапно поняла, что очень волнуюсь: просто не понимала, как и о чем я буду говорить. Попыталась поделиться своими беспокойствами с Катькой, но подруге было не до меня.

– Психолог с тобой поговорит, не волнуйся, – пробормотала она, вталкивая меня в переполненный лифт.

– Какой еще психолог?

– Обычный психолог, тетечка... Людмила Степановна ее зовут... вроде. Она тебя утешит, успокоит, наставит на путь истинный. Все равно хуже, чем та дура, что мы вчера записывали, ты не выступишь, поверь. Кстати!

– Что еще?! – Я решила, что что-то забыла.

– Я нашла твоего... ну, то есть нашего Олега Точилина. Он теперь будет третьим экспертом дополнительно к Вале с Надей.

– Как?! – воскликнула я. – Он здесь?

Мы вышли из лифта, и Катька за руку потащила меня по коридору в сторону студии.

– Надеюсь, что вот-вот придет. Он здесь уже был на днях, так что ему уже пропуск оформили. Может быть, он уже где-то в гримерке... Просто я не видела.

– Он знает, что сегодня записывают меня?

– Разумеется!

Сердце мое забилось часто-часто. С одной стороны мне стало еще страшнее и неудобнее от одной мысли, что придется рассказывать о себе при Олеге. С другой стороны, это, возможно – еще один шанс, дарованный судьбой. Конечно, я не знала, как сложилась жизнь Олега, свободен ли он... Но дело не в этом! Олег – единственный стоящий человек, заинтересовавшийся мной в этой жизни. И он – единственный по-настоящему нравившийся мне мужчина. Конечно, в глубине души я продолжала мечтать о том недостижимом, прекрасном и великом актере, но сама же понимала, что это всего-навсего мираж впечатлительной девочки, по недоразумению просочившийся во взрослую жизнь.

Стараясь не выдать эмоций, я послушно проследовала в гримерную, где мою физиономию покрыли толстым слоем чего-то, более всего похожего на жирную глину.

Потом мной занялась психолог Людмила Степановна. Общение с ней оказалось очень полезным.

– Вам вначале предложат рассказать о себе и про себя, – объяснила она. – Приготовьте рассказ в уме, но не пытайтесь его заучить. Постарайтесь выбрать какое-нибудь приятное лицо в зале и считайте, что рассказываете именно ему. Обычно все выбирают Яну Большакову – она специально для этого сидит напротив вас в толпе приглашенных дур и при этом широко и доброжелательно улыбается. К ней обращаться удобно. Ни в коем случае не смотрите на Надю. Во-первых, эта блядь сидит сбоку, и вы шею свернете, а во-вторых, у нее такое выражение на роже, что вы можете сблевать, что всех сильно напряжет. Расскажите о себе самое приятное и важное, как вам кажется. Если это про семью, про учебу, про работу или, в крайнем случае про большую страстную любовь – прекрасно. Если же у вас самое интересное воспоминание – как вас в грязном подъезде трахали трое бомжей, то это не к нам. Это либо для передачи конкурентов – можете взять у Катки телефон, либо для приватного рассказа все той же Наде. Если поклянетесь, что хотя бы у одного из этих бомжей при этом стоял, Надя умрет от зависти, чем несказанно обрадует весь коллектив. Понятно?

- У меня ничего такого с бомжами не было, – усмехнулась я.
- Но вы от этого не комплексуете? Это я как психолог спрашиваю.
- Ни в коей мере!
- Тогда вы – просто находка! Удачи вам!

– Спасибо! – искренне поблагодарила я Людмилу Степановну. – Я могу идти?

– Можете, конечно! Но так как вы не знаете, куда именно, я вас провожу... И скажу еще кое-что. А именно: вступительная речь должна быть как можно короче и четче. Сколько бы вы ни наговорили, редакторы оставят пять-семь минут, не более. Все подробности вашей непростой жизни пусть будут в ответах на вопросы аудитории и так называемых экспертов. Отвечая, помните: важно не то, что вы ответили, а как вы это сделали. Исходите из того, что женская часть аудитории – непроходимые дуры, не способные сформулировать никакую членораздельную мысль. Не поняли вопроса – придумайте свой и ответьте на него. Редакторы у нас – умнички! Катюку вы знаете, а остальные – ей под статью! Смонтируют!

– Простите, вы ничего не сказали про мужскую аудиторию...

– О! – Людмила Степановна схватилась за голову. – Рекомендации те же. Но имейте в виду: если женщины у нас обычные, выражаясь профессионально, сохранные бытовые дуры, то мужчины... мужчины у нас все, как на подбор, психически больные или умственно неполноценные. Не удивляйтесь ничему! Они могут плакать, смеяться, звать маму...

– Ужас-то какой! – отреагировала я на «маму».

Прибежала Катя, и мы вместе с ней и психологом заглянули в студию. Прямо перед моими глазами громоздились дощатые ярусы с лавками для женской аудитории. Слева от сцены находился маленький «загончик» с пластмассовыми стульчиками внутри. Там усаживали группу умственно отсталых и «нищих духом» мужчин. Яне место не требовалось – она ходила со своим микрофоном повсюду. А вот и четыре кресла на сцене: для Вали, для Нади, для... Олега и, наконец, самое большое, почти трон, для меня.

– Ты выйдешь последней, – объяснила диспозицию Катюка. – Вначале Яна объявят сегодняшнюю тему, потом представит соведущих-консультантов, а потом пригласит героиню, то есть тебя. Людмила Егоровна тебя пропустит внутрь через вот эту шторку, ты войдешь и сделаешь всем ручкой. А потом будет пауза в записи, во время которой техник прикрутит на твой лацкан микрофончик – и вперед!

– А где мне пока находиться? – Я понимала, что в течение ближайших минут ничего не начнется.

– Иди пока в гримерку, она же курилка. Заодно познакомишься с коллегами по цеху.

– На кой ей эти толстожопые дуры сдались? – возразила Людмила Степановна. – Сорвут только весь настрой. Ну, Валя-то куда ни шло, она безвредная, а вот эта, из блядского профсоюза...

– Вы про Надю? – поинтересовалась я.

– Разумеется.

– Люда права, – кивнула Катюка. – У Нади сегодня ПМС, видать...

– Недо...б у нашей Нади! – пробасила прокуренным голосом проследовавшая мимо нас крупная кавказская женщина. – У нее по жизни хронический недо...б.

– У всех недо...б, Инна Багратовна, – неожиданно резво откликнулась Катюка. – Но это же не повод, чтобы так с людьми обращаться!

– Ха! Да для нее самое милое дело: человека с говном смешать, а потом его же сожрать. Именно в таком вот говенном соусе, никак иначе!

– Образно, Инна Багратовна, образно!

– Ну, дык!

Тетка довольно рассмеялась и пошла дальше, горделиво подняв породистую красивую голову, увенчанную высокой многоярусной прической.

– Нина Багратовна – наш главный рекламщик! – Катька запоздало представила мне собеседницу. – Ее в Останкино все знают.

– Большой мощи женщина, – кивнула Людмила Степановна. – Пойдемте в мою конуру – кофейку пока попьем в тишине.

– О'кей, – согласилась Катька. – Но я только на пять минут. Потом побегу контингентом заниматься.

– А что Олег? Уже пришел? – спросила я, пока мы в очередной раз шагали по уже знакомому коридору в направлении маленького, но отдельного кабинета штатного психолога канала.

– Слушай, странно, – развела руками Катька. – Задерживается. Может быть, наши уже занервничали, не дай бог! Даже странно, что пока тихо! Он вроде обязательный такой... на встречу с коллективом заранее приходил... И я же ему специально сказала, что ты сегодня... он вроде бы как даже...

– Обрадовался? – с нескрываемой надеждой спросила я.

– Ну... по крайней мере, заинтересовался...

«Все-таки зря Катька такая честная!» – подумала я не без досады. В душе возникло смутное беспокойство по поводу возможности успеха предстоящего мероприятия.

Мы вошли в маленький прокуренный и неуютный кабинет. Как дизайнера меня в этом гадком помещении раздражало все. Я села на предложенный маленькую колченогую табуретку. Прочая мебель была под стать табуретке. Кофе и варили, и пили на старой загаженной тумбочке, изначально предназначенной, судя по всему, для принтера или факса. К счастью, в темноте я не видела степени чистоты посуды.

Впрочем, кофе попить нам так и не удалось. Буквально через минуту после того, как мы вошли внутрь, дверь распахнулась, и к нам влетела злобная тетка с красной физиономией. Уставившись красными поросычьими глазками на Катьку, она заорала:

– Ну, где он, твой эксперт сраный? Где, б...ь?!

– Татьяна Аркадьевна, зачем вы так? Может быть, пробка... – промямлила Катя.

– Пробка? У всех пробка! В жопе у него пробка! Телефон выключил, сука!

Я поняла, что речь идет об Олеге. Мне вдруг стало все ясно: узнав от Катьки о том, что я буду героиней сегодняшней передачи, он решил не участвовать в записи. Вот только почему не сказал сразу и Катьку подставил? Мне казалось, что это странно и на Олега не похоже. Впрочем, я могла объяснить такое поведение тем, что с момента нашей последней встречи прошло очень много времени. А время меняет людей!

– Все, б...ь! – продолжила вопить неведомая мне Татьяна Аркадьевна. – Ждать больше нечего! Мы с с Людкой ведем «эту», а ты лови, кого хочешь, по коридорам и волоки на место твоего е...го друга!

Понятно, что под «этой» имелась в виду я. Катька так и не смогла объяснить, кто по должности эта мерзкая крикливая баба, но зато тут же побежала исполнять полученное указание – искать замену Олегу. А мы со спокойной, словно сфинкс, Людмилой Степановной, так и не попив кофе, двинулись в обратный путь. Уже через несколько минут я стояла возле назначенного мне технического входа и через просвет в шторе подсматривала за тем, что происходит в зале.

Честно говоря, из-за поступка Олега я ощущала жгучий гнев и горькую обиду. Неужели он так мелочно возненавидел меня на всю жизнь за то идиотское поведение, вызванное молодостью, слабостью и глупостью?!

Несмотря на унылые размышления, я все же не без интереса наблюдала за тем, как заполнялся зал. В креслах соведущих появились Валя и Надя. К ним по очереди подходил худосочный техник. Он аккуратно запрятал маленькие черные микрофоны в складках платьев обеих матрон. Как мне успела шепнуть психолог, эти уродливые одежды Валя с Надей

напяливают по требованию спонсора – модельного магазина «Большая Медведица», предлагающего платья для «серьезных цветущих дам». «Мне будет проще», – подумала я. Я оделась в брючный костюм с двубортным пиджаком, словно специально созданным для размещения на нем различных акустических приспособлений.

До последнего момента я надеялась на появление Точилина. Мне очень хотелось думать, что мое присутствие несколько не уменьшит его желания участвовать в сегодняшней передаче, даже наоборот! «Это все пробки! Проклятые московские пробки!» – убеждала я сама себя. Но напрасно!

На сцене появилась взмокшая и всклокоченная Катька. За руку она тащила немолодого элегантного мужчину в строгом темном костюме. Я сразу поняла, что пойманный в останкинский недрах человек никак не может быть Олегом. Но мужчина повернулся, и я совершенно опешила: место моего школьного друга занял тот самый великий актер, которого я обожала всю жизнь и от одного только звука голоса которого у меня начинали дрожать колени. Это судьба, решила я, и мне предстоит всецело ей покориться.

Я тогда впала в такое странное состояние, что воспоминания о съемке до сих пор кажутся мне погруженными в странный глухой и вязкий туман. Я так и не нашла в себе сил и мужества просмотреть смонтированную передачу по телевизору. Я даже не сказала о дне эфира ни маме, ни Маше: соврала, что не знаю, и вообще не уверена в том, что эта передача попадет в эфир. Маше все-таки удалось посмотреть передачу в записи, соседка по парте подарила ей собственноручно записанную кассету. Маму же это событие вообще не заинтересовало. И... слава богу!

Разумеется, большинство друзей и коллег поздравило меня с «триумфом», но я сама стараюсь об этом не вспоминать.

Затаив дыхание, я слушала, как Яна произносила вступительное слово. Разумеется, вначале – общие слова, потом – благодарности спонсорам и, наконец – представление участников. Да! Так и есть! Я не ошиблась и не обозналась: именно его, того самого обожаемого мной актера отловила Катька и притащила на свободное от не явившегося Олега место!

И вот, наконец, я слышу те слова, после которых мне надлежит шагнуть в свет:

– Сегодня мы поговорим о влиянии семьи, родителей и, конечно, в первую очередь, матери на всю нашу жизнь. Наша сегодняшняя героиня в детстве очень зависела от мнения родителей. Но, несмотря на категорические возражения, она нашла в себе силы и мужество пойти совсем не тем путем, что ей предназначался. Представляю вам Анну. Она расскажет про свою новую жизнь, про *жизнь без спроса!*

Людмила Степановна легонько толкнула меня в спину – и я оказалась в самом центре сцены, напротив камер, ослепленная жарким светом прожекторов. Я прошла к предназначенному мне креслу и села совсем-совсем рядом с великим актером, о встрече с которым мечтала в давних девичьих грезах. Я не смела даже смотреть на него. Пока мне прикрепляли маленький черный микрофончик, я улыбалась в никуда – то ли камерам, то ли прожекторам. Вдруг я задумалась о названии передачи. «Жизнь без спроса» – это что? Это жизнь, не требующая ни от кого разрешений, или... или просто не нужная никому жизнь – жизнь, на которую нет спроса? Или это одно и то же? Не может быть, но ведь у меня почти так и получается. Неимоверное усилие воли потребовалось для того, чтобы прервать поток бредовых мыслей и вернуться к реальности.

Яна попросила меня рассказать о себе, и я, следуя рекомендациям Людмилы Степановны, сжато и конспективно поведала, как росла в скромной интеллигентной семье, где главной добродетелью провозглашалась скромность, а я сама была приговорена к судьбе «серой мыши» в каком-нибудь проектном или научно-исследовательском институте. Но все же я вырвалась из-под маминого влияния, открыла собственную дизайнерскую фирму и ста-

раюсь не ощущать себя мышью, хотя... порой все же не могу избавиться от чувства никчемности и понимаю, что очень во многом моя мама права.

Вся речь заняла у меня не более десяти минут. Все это время Яна ободряюще кивала и улыбалась, а затем велела аудитории бурно аплодировать. По требованию режиссера, командовавшего через громкоговоритель из закрытой будки, овацию повторили дважды. Потом ведущая начала сама задавать мне вопросы. И конечно, в первую очередь, они касались моего замужества и Маши.

Мне пришлось сознаться в своем убогом браке.

– Да, разумеется, у меня был муж, он же – отец моей единственной дочери.

– И где же он сейчас? – буквально пропела свой вопрос Яна.

– Увы! – я развела руками. – Он покинул меня задолго до Машиного рождения.

– И к кому же ушел этот коварный ветреник? Наверное, – предположила ведущая, – Он предпочел вам ту, которой не внушали с детства, что она мышь серая, не так ли, Анна?

При этих ее иронических словах зал буквально взорвался смехом и очередными бурными аплодисментами. Спустя минуту Яна потребовала тишины. Мне крайне не хотелось выглядеть жалко и неуверенно, потому я решила пойти на то, чтобы эпатировать зал информацией о выбранном Валерой сообществе, почерпнутой из нескольких не противоречащих друг другу источников.

– Увы, – произнесла я, насколько это возможно, с достоинством. – К женщине он от меня не ушел.

– А к кому, к мужчине?! – неестественно громко взвизгнула со своего места Надя.

Яна жестом призвала коллегу к порядку.

– Нет, нет, – продолжала я. – Он ушел от меня в секту «Нагих праведников».

– И что же он там делает, в этой секте? – возбудилась Яна.

– Пьет мочу духовного лидера.

В студии повисла полная тишина. В центре женского форума я видела горделивую фигуру Инны Багратовны. Даже издали я заметила вспыхнувший в ее глазах искренний интерес.

– Извините, Аня, – обратилась ко мне Яна. – Раз все так серьезно, я вынуждена обратиться к вам с просьбой рассказать нам про это... гм... религиозное сообщество. Лично я слышала о нем в каком-то выпуске вечерних новостей, но меня отвлекли, и я не очень вникла... Возможно, многие из наших гостей тоже не в курсе. Так, уж, будьте добры, Аня! Что называется, раз уж сказали «а», то «б» за вами.

– Да я сама, знаете ли, не бог весть какой эксперт. Отношений мы с Валерой не поддерживаем, и мне, чтобы что-то узнать, пришлось прибегать к различным источникам, возможно, не всегда достоверным. Секту в конце семидесятых основал бывший гаишник, а впоследствии санитар подольской городской больницы Вадим Шмокин. Начал он с того, что проповедовал так называемую уринотерапию и лечебное голодание. Называл себя народным целителем и собрал немало последователей не только в Подмосковье, но и по всей стране. В годы перестройки ему удалось съездить в Индию и в Иерусалим, откуда Шмокин явился обновленным и провозгласил себя не только целителем, но и пророком. Непостижимым образом он попытался соединить в новом религиозном течении индуизм и православие староверческого толка. Имя он себе взял «старец Ипатий» и при этом величал себя «сластолюбивым страстотерпцем». Религиозную деятельность основатель «Праведников» совмещал с крайними формами сексуальной распущенности, а заодно и с коммерцией. В конце концов, его застрелили какие-то отморозки-ингуши во время дележа акций ликеро-водочного завода. Покинув наш мир, сластолюбивый старец был возведен единоверцами в ранг «богоподобного пророка», а его охранник и казначей, также бывший мент, а затем второй секретарь Подольского райкома партии Леня Ахромеев стал «блаженным отцом Лавром».

Он возглавил общину и повел своих адептов в райскую жизнь твердой рукой. В настоящий момент, судя по информации масс-медиа, основное занятие этой очевидно тоталитарной религиозной общины – отъем недвижимого имущества и жен у новообращенных. Недвижимость переписывается непосредственно на имя «блаженного», жен тоже пользуется именно он. Говорят, не пренебрегает даже ветхими парализованными старухами – одно слово, божий человек. Кроме того, ему достаются и дочери прозелитов, в том числе малолетние. А что до прочей братии, то питья мочи никто не отменял. Наиболее приближенные допущены к питью мочи самого отца Лавра. Мой бывший муж в этом особо преуспел. Недавно, как уже говорила уважаемая Яна, сюжет о «Нагих праведников» показывали в вечерних новостях, и я слышала, как Валера пытался утверждать, что моча отца Лавра пахнет фиалками и напоминает по вкусу персиковый нектар. Вроде бы руководителя секты пытаются арестовать, чтобы судить за мошенничество, разбой, серийные изнасилования и растление несовершеннолетних, но сектанты прячут отца Лавра и грозят самосожжением, если того арестуют. Валера по телевизору заявил, что хочет стать первым живым факелом. Вот, собственно, и все, что мне известно о судьбе моего бывшего супруга.

После нескольких секунд тишины зал буквально взорвался аплодисментами, причем без всякой команды!

Дальнейшее совершенно соответствовало предупреждениям Людмилы Степановны. Правда, вопросов практически не задавали. Представительницы женской аудитории высказывали собственные соображения по поводу того, как строить бизнес, общаться с мамой и жить с мужем. В основном это была нечленораздельная чушь, не имевшая никакого отношения к моему рассказу. Чрезвычайно страстно выступило некое юное создание, не достигшее, судя по всему, двадцатилетия. Девушка, назвавшаяся Софией, заявила, что, рассказывая про «Нагих праведников», я оболгала истинно верующих людей. Она быстро завела сама себя и, перейдя на визг, прокричала в микрофон, что за хулу в адрес отца Лавра мне предстоит гореть в аду, так как только такой святой человек, как он, может в свои пятьдесят пять удовлетворить за одну ночь пятерых глубоко верующих женщин. Далее в ее речи было продемонстрированы еще более глубокие познания по части интимных подробностей жизни затворника. Разумеется, при монтаже ее пылкую речь вырезали.

Из выступивших мужчин мне особенно запомнился один, по имени Самуил. Он сообщил тем, кто не знает, что является математиком, и посвятил немало времени описанию семейной жизни с помощью основных понятий, аксиом и теорем. Сверкая глазами, Самуил заявил, что из моего рассказа ему стало ясно, что я не понимаю, что такое мать. После чего попытался дать формальное определение этого понятия. Остановить его удалось только службе безопасности канала. Когда Самуила уводили, он вяло отбивался и, брызгая густой, похожей на пену слюной, вопил, что его сейчас лишают права голоса и теперь он уже точно обратится в Страсбургский суд по правам человека.

Потом дошли до консультантов, соведущих программы. Первой по традиции выступила традиционалистка Валя. Судя по всему, она проспала и мое выступление, и речи своих предшественников. Поэтому она в самых общих словах высказала удовлетворение тем, как я построила свои отношения в семье и на работе, и пожелала почаще вспоминать о том, что я все-таки женщина и требовать соответствующего отношения к себе со стороны мужа и детей. Судя по Валиной спокойной доброжелательной речи, ей в дремоте примерещилось, что у нас с неведомым мне пьющим мужем этих самых детей трое, и все мальчишки. Катька еще в «Дикообразе» объясняла мне, что Валя последние три года вообще не вслушивается в истории героинь. Но при помощи волшебного искусства монтажа можно исправить и не такое!

Зато феминистка Надя обрушилась на меня так, словно я была ее личным врагом с детства. Она заявила, что я не просто никчемна и безвольна, но вредна и опасна для обще-

ства. Оказывается, именно я своей злостной фригидностью и сексуальной инфантильностью довела мужа, нормального, здорового мужчину до того, что теперь единственной радостью в его жизни является стакан вонючей жидкости, исторгнутой из чресел развратного старца. Надя орала на меня, причем чуть ли не через фразу, цитировала то Фрейда, то Рабле. И уже под конец своей зажигательной речи Надя предрекла мне в недалеком будущем судьбу привокзальной проститутки. Звенящим голосом она торжественно пообещала непременно прийти посмотреть на то, как я буду отдаваться в подворотне приезжим таджикам за стакан портвейна. Несмотря на все предупреждения психолога, я была в шоке и буквально вжалась в свое «царское кресло». Мне казалось, что феминистка забрызгает меня слюной даже с расстояния нескольких метров, отделявших ее от меня.

И, вот, наконец последнее слово осталось за ним, за актером, волею судеб почтившим своим присутствием мою идиотскую премьеру. И он меня не разочаровал.

– Простите, пожалуйста, – при первых же звуках волшебного баритона зал замер. – Я здесь человек новый и почти случайный. А потому почти ничего не понял из того, что говорилось после выступления нашей героини.

Он приподнялся со своего места, элегантно и аккуратно, чтобы не пострадало подключение микрофона, и поклонился мне. Мне стало необыкновенно хорошо и приятно. Сердце в груди восторженно заколотилось. Как будто и не было всей этой мерзкой Надиной эскапады и прочего бреда!

– Я очень хорошо вас понимаю, милая, – обратился ко мне Великий. – Моя мама тоже мечтала, чтобы я стал бухгалтером-экономистом. А я... – он воздел к обшарпанным небесам свои прекрасные руки. – А я не смог! Я стал актером... Говорят, неплохим актером! Но мама... моя мама так и не простила меня. Она прожила много долгих лет и по-прежнему любила меня, но... Она так и не пришла ко мне в театр! Она ушла из этой жизни, так и не увидев ни одной моей роли в кино! О мама, мама! Для тебя я так и остался двоечником, не способным выучить таблицу умножения, неучем, не пригодным даже к тому, чтобы работать бухгалтером в ЖЭКе.

Из прекрасных глаз великого актера выкатились две слезы и, словно бриллианты, сверкнули в свете прожекторов. Я чувствовала, что тоже вот-вот заплачу. Из мужского сектора раздались рыдания и всхлипы. Озабоченная охрана буквально вынесла оттуда двоих сцепившихся в объятии мужичков. Один из них, содрогаясь всем телом, пытался выкрикнуть «мама», но слово застревало в его клокочущем горле. Другой, видимо, хотел утешить друга, для чего обвил его руками и ногами и громко выл на единой тоскливой ноте. После того, как вынос тел состоялся, Яна потребовала для выступавшего бурных оваций. И он их, разумеется, получил.

Когда вновь наступила тишина, Великий обратился ко мне:

– Еще раз прошу прощения, уважаемая Анна. Но вы, рассказывая нам о своей судьбе, ни словом не обмолвились о... – он взял роскошную паузу. – О любви. Мы услышали многое о вашей семье, о маме вашей, о вашем, гм... не самом удачном браке... Хотя, поверьте мне, у вас был не самый неудачный брак... из числа мне известных, так сказать. И секта у вашего мужа, еще... куда ни шло, бывают и пожесточе сообщества. Так я о любви вас спросить хотел: есть ли место для любви в вашей жизни, Анна? Я имею в виду не ту любовь, что к дочке, к маме, к трудовому коллективу и к деньгам. Я имею в виду любовь – любовь!

Зал вновь разразился овациями, причем, как мне показалось, все заплодировали без всякой команды. Великий артист и впрямь был велик!

И тут я поняла, что настал мой звездный час. Я знала, как ответить!

– Вы единственный, кто спросил меня сегодня о любви, – ответила я. – И я благодарна за возможность сделать признание. Много лет назад я отвергла ухаживания молодого человека, позволившего себе скверно отозваться о спектакле, поставленном человеком, которого

я обожала, боготворила и, конечно, любила с детства. Это был спектакль по роману Федора Михайловича Достоевского «Братья Карамазовы».

При этих словах лицо Великого расплылось в широчайшей улыбке. Я понимала, что, возможно, он единственный, кто понял, о каком спектакле я говорила. Поэтому продолжила:

– Этот спектакль сделали вы. И вы читали самый главный, самый гениальный монолог при мерцании одной-единственной свечи.

Великий поклонился мне, прижав руку к сердцу. Зал, как мне показалось, взвыл от восторга.

– Более того, – не останавливалась я. – В этом кресле сегодня должен был сидеть тот самый отвергнутый мной некогда молодой человек. Но, узнав, что именно я буду героиней, он струсил и не пришел, а вы благородно спасли передачу, согласившись занять это место. И тем самым вы сделали праздник нам всем!

Я обвела руками студию. Не била в ладоши только Надя, видимо, преисполненная, неистребимого сарказма. Пора было завершить монолог, и я, как мне показалось, поставила победный аккорд:

– Вы спросили, есть ли место для любви в моей жизни. И я отвечаю: конечно, есть! И это – любовь к вам!

Великий и гениальный

Как только запись закончилась, он сам подошел ко мне и, поклонившись, приложился губами к моей руке. Музыкальней сфер прозвучал в моих ушах знаменитый бархатный баритон:

– Благодарю, благодарю вас, Алла...

– Я, извиняюсь, Анна, – поправила я его не без трепета.

– Да, да! Вы правы... именно Анна... Прекрасное имя! О белла Анна!

Элегантным движением Великий убрал со лба опустившийся серебряный локон и томно посмотрел мне прямо в глаза.

– Если бы не вы, не ваши теплые слова, я считал бы эти два часа вычеркнутыми из своей жизни, но все, что вы сказали, так тронуло меня! Это было прекрасно!

– Поверьте, я говорила от всей души!

– Ах, душа, душа! – вздохнул он. – И конь на скаку, и изба в огне и... еще душа. Вот она, русская баба!

– Честно говоря, не очень люблю в свой адрес слово «баба».

Я сама удивилась своей наглости, но он с пониманием покачал головой:

– Да, да! Конечно! Разумеется! Слово-то уж больно просторечное, плебейское слово! – По лицу его промелькнула едва уловимая, но в то же время озорная улыбка. – Но как же вас всех называть-то, не тетками же?

Выждав драматическую паузу, Великий улыбнулся во весь рот:

– Да, пошутил я, пошутил, милая девушка! Простите старика!

Выглядел Великий лет на шестьдесят, но смотрелся еще хоть куда, хотя, увы, вблизи следы увядания были куда заметнее. Я рассмеялась вслед за ним. Действительно, слово «тетка» я к себе пока еще не примеряла.

– Я, конечно, понимаю, что все ваши слова о чувствах ко мне – это игра!

Я попыталась возражать, но он властным жестом остановил меня.

– Не нужно издеваться над стариком. Я актер. И я могу оценить, что игра ваша великолепна. Более того, профессиональна. Поверьте мне!

Меня охватило невероятное волнение. Мне так хотелось ему верить! И я верила.

– Но я хотел бы воспользоваться нашим внезапным знакомством, – продолжал Великий, – прекрасным, чудесным знакомством! Я хочу продолжить нашу дружбу, если вы не против.

До сих пор не знаю, что в тот момент было у него на уме. Я изо всех сил закивала.

– Задумка тут у меня есть одна. И тут вы, прямо как чудо какое-то... – повторился он. – В общем, я бы хотел с вами посоветоваться. Как с телезвездой, так сказать и как с бизнесменом или, лучше, с бизнесвумен, а?

Я – телезвезда? Со мной хочет посоветоваться Великий?! Тот, о ком я мечтала с детства! Голова моя закружилась от восторга и восхищения.

Понятно, я немедленно согласилась на встречу на следующий день в приватной обстановке у него дома. Дабы избежать неловкости, Великий сразу предупредил, что мы с ним будем не одни. Еще несколько профессионалов телевизионного мира соберутся обсудить будущее нового звездного проекта, в коем мне отводилась некая таинственная роль.

Когда я уходила после записи, Катька пошла проводить меня до проходной. Она была мрачна и неразговорчива. Я понимала, что подруга недовольна именно мной.

– Что, плохо у меня получилось? – спросила я ее, заходя в лифт.

Она помотала всклокоченной головой:

– Хорошо... Даже слишком.

– Что значит «слишком»?

– Олешку ты обосрала профессионально. Будто сто лет здесь в этом гадюшнике работаешь!

– Так он же чуть не сорвал всё...

– Да он тут вообще не при чем, оказывается! – В Катькиных глазах стояли слезы. – Это его Надя выгнала!

– Как это?

– А так! Она с самого начала была категорически против, чтобы еще кто-то участвовал. Мечтает, чтобы вся передача из нее одной и состояла. Чтобы ни героинь, ни Янки, ни аудитории... чтобы вообще, кроме нее, бл...щи, никого не было. И ведь не понимает, дура, что смотреть это никто не станет. Нет! Чуть что – вопит: это я вам всем рейтинг делаю, я одна! Сука! Олег сегодня раньше всех пришел, а она – за ним. И заявила ему, что съемки сегодня отменяются. Она его вообще сразу возненавидела. Вот он и уехал. А телефон не отвечал потому, что из-за пробок он на метро возвращался. А ты его так...

Мне стало очень стыдно. Почему же я перед Олегом всегда оказываюсь дрянью?

– Кать, может быть, вы сможете мои слова вырезать? – спросила я подругу.

Мы переминались с ноги на ногу возле проходной.

– Попробую, но не всегда это получается. Из песни слов не выкинешь... Ты там так ярко его, театрально...

– Катька! Я умоляю! Ты же понимаешь, мне тоже обидно было, что он не пришел...

– Ладно, попробую сделать, что могу. Мне же это все – тоже нож в сердце! Он тут – мой протеже! Должна была понимать!

Я поцеловала Катьку в щеку.

– Спасибо, что ты нашла и привела этого человека! То, что ты уговорила его, это потрясающе.

– Еще бы не уговорила. К кому он еще в студию похмеляться придет? Хорошо, что он только появился в буфет, когда я его нашла. А то через пятнадцать минут был бы уже пьяный в жопу. Свинья!

У меня не было слов, чтобы ответить Катьке на ее злобный выпад. «Неужели в ней говорит зависть?»

– удивилась я про себя и только пожала плечами.

Катька явно хотела что-то добавить к сказанному, но не стала. Как-то нервно дернулась всем телом, махнула мне рукой и побежала на следующую запись.

С Олегом, конечно, вышло не здорово, но ощущение собственной непорядочности мучило меня недолго. Я ползла в пробках домой и непрерывно думала о предстоявшей мне замечательной и вождеденной встрече.

Мне было назначено на два часа дня. Боясь страшных московских пробок, я поехала с работы на метро. Конечно, уже несколько лет у меня имелась машина. Первое, что я сделала, прооперировав глаза и избавившись от близорукости, это записалась в автошколу и получила права. Первые годы я, млея от счастья, вообще не вылезала из-за руля. Но в тот день, я не стала рисковать, оставила машину возле офиса и даже вышла пораньше. Запас времени оказался слишком большим, пришлось еще полчаса погулять возле вестибюля «Парка Культуры». Без пяти два я вошла в подъезд.

Лестничная клетка была чистой, но со всех сторон изрядно несло сыростью, по ступенькам бежал ручеек. Нужная мне квартира находилась на третьем этаже. Я не стала пользоваться лифтом и бегом взлетела наверх.

Возле двери я встретила еще одного визитера. Маленький сердитый человечек стоял ко мне боком и усиленно давил на кнопку звонка. Я с напряжением попыталась узнать в нем какого-нибудь известного деятеля культуры. Не узнала, но все равно подошла и поздоровалась. Вместо того, чтобы ответить на приветствие, мужичок пробурчал себе под нос:

– Опять бл...й посреди дня вызывают! Пидирасы!

На такое приветствие мне просто не нашлось, чем ответить. Тем временем я почувствовала, что стою в луже, причем от лужи поднимается густой пар. Из-под двери квартиры Великого вытекала горячая вода. Стало понятно: случилось что-то серьезное, видимо, прорвало трубы или лопнула батарея. А это означает, что не только имуществу, но и самой жизни выдающегося деятеля культуры угрожает самая настоящая опасность.

Входная дверь, к моему удивлению, оказалась не железной, а простой деревянной. Более того, выглядела она так, будто ее уже многократно выламывали и возвращали на место без всякой починки. Отвернувшись от плюгавого мужичонки, я с силой двинула в дверь плечом. Дверь была такой хлипкой, что мое усилие оказалось даже избыточным – по инерции меня внесло внутрь квартиры вслед за грохнувшейся на пол личинкой замка. По темному грязному коридору разлетелись брызги.

Заметив выключатель, я нажала на кнопку, зажглась тусклая лампочка. Перед входом в кухню я вынуждена была остановиться. И ужас обуял меня! Передо мной стоял сам великий актер, вонючий и заблеваный. Застегнутые наперекосяк брюки держались на одной пуговице, бледная правая нога была обута в рваный войлочный тапок. Левую ногу украшал лишь грязный дырявый носок.

– Я б-буду жа-аловаться! – проблеял Великий незнакомым мне козлиным голосом.

Кто я и откуда, он не понимал и, похоже, принимал меня за «девушку по вызову».

– В вашем агентстве са-авсем обнаглели! Ва-а-ще! Мы девушку на рань-шне-шне-не-ее время заказывали! В ды-ды-ва у нас сав-ве-щань-е-е! Мы заслуже-ва-ева-нно-вые люди! Я ва-а-апще платить не буду!

Я оттолкнула своего недавнего кумира и втиснулась на кухню. Именно там находился источник затопления. Горячая вода низвергалась из кухонной мойки, но сантехнических неполадок не было.

Виновником потопа, как оказалось, стал известный киноактер, всю жизнь игравший кулаков и подкулачников – эдакое воплощение воинствующего сельскохозяйственного собственника, непримиримого противника колхозного строя. Он восседал на высоком колченогом табурете. Некогда могучее, а ныне обрюзгшее тело наклонилось вперед. Огромная голова, увенчанная густой, давно нечесаной седой гривой, нависала над облупленной мойкой. Глаза закатились, правая рука была погружена по локоть в самую мойку, переполненную крутым кипятком, горячая вода хлестала из полностью открытого крана, а широченная ладонь актера затыкала слив. Боли этот человек не чувствовал: он спал сидя, под глубоким алкогольным наркозом, и при этом чудовищно храпел.

Сориентировавшись в обстановке, я закрутила красный вентиль, после чего напряглась и выдернула огромную пунцово-красную руку наружу. В результате неустойчивое равновесие громоздящегося на табурете тела нарушилось, и многопудовая туша обрушилась на кухонный столик.

За столиком меж тем ютились две пьяненькие старушки. Упершись локотками в грязную столешницу, они тихонько ворковали о чем-то им одним ведомом. Сморщенное унылое личико более худенькой бабки я смутно помнила по каким-то театральным постановкам ТЮЗа, на которые меня водили в детстве. Другая старуха, та, что потолще, опубликовала в начале девяностых в одном «желто-розовом» журнале гнусные мемуары о собственных сексуальных похождениях, имевших место в тридцатые и в сороковые годы. Старой даме почему-то очень хотелось, чтобы все вокруг считали ее алчной и распущенной б...ю.

Столик, разумеется, не выдержал, обрушившегося на него удара и рассыпался, увлекая беспомощных старух за собой. В стороны с треском полетели обломки хлипких ножек. Издавая нечленораздельное мычание, старушки опали и накрыли своими жалкими тельцами ничтожную часть тучного кулака-собственника. Тот даже не проснулся.

Наконец Великий повернулся и, уставившись сквозь меня на что-то лишь ему ведомое жутким остекленелым взором, возопил фальцетом:

– Мы желаем секса! Начнем с ора-ального, пожалс-с-та! – Мятые брюки безвольно пали на мокрый пол и обнажили нечистое белье.

Именно в этот момент на кухне появился встреченный мной на входе хамский мужичок. Стало ясно, почему он замешкался. С ним вместе, крича и толкаясь, ввалилась жутковатого вида размалеванная девица в розовых лосинах и бархатных сапогах на шпильках. Брезгливо задирая ноги на мокром полу, она отталкивала от себя мужичонку и визжала в трубку мобильного телефона:

– Сколько можно меня к этим алкашам-импотентам вызывать?! В который раз уже! Предупреждала же: я этот адрес наизусть знаю! Чего прикажешь с ними делать?! Я – бл...ь, а не уборщица, чтоб говно за инвалидами подтирать. Слышишь меня! Я не сантехник ни хрена, и не санитарка, блин, чтобы обоссанные трусы нюхать! Забирайте меня отсюда к е...й матери! И с бабками тоже сами разбирайтесь!

При этом я не поняла, имела она в виду под «бабками» деньги или все же тех двух пьяных старух, так и не дождавшихся оргии. Последние бабки с сопением копошились в обломках возле моих ног.

– А ты, бл...ь, из какого агентства? – Девица обратила внимание и на меня.

При этом слово «бл...ь» она употребила не в оскорбительном, а в сугубо профессиональном смысле. Предполагалось, что я – ее коллега по цеху.

– Из страхового. Из страхового я агентства! – Шутка оказалась неуместной и даже опасной.

– А! – хохотнула девица. – Я так и думала. Вот вы, страховщики как раз тут и отсосете со своими страховками. По полной программе!

Она обвела руками разгромленное и затопленное пространство.

Мои неосторожные слова привели в иступление мужичонку, очевидно, приходившемуся Великому соседом снизу:

– Ага! Страховщики хреновы! Вот вы мне за все и ответите!

Сосед снизу бросился ко мне и ухватился за ворот моей куртки.

– Вы за все заплатите!

Из последних сил я отшвырнула истерика на грудь актерских тел. Шарахнувшись от описавшегося Великого, я выскочила на лестницу, пулей слетела вниз, выбежала на улицу и, уже спокойно и уверенно пошла прочь из этого дома.

Дома я сгребла в кучу все диски и кассеты с некогда почитаемым мной героем и вышвырнула в мусоропровод. Наконец-то, я смогла ощутить себя частью московской богемы! Я вошла в бальзаковский возраст женщиной, у которой раньше всего-навсего не было ни одного достойного мужчины, а теперь не осталось даже идеала.

Моя краткая телевизионная эпопея, так и не замеченная мамой, произвела на Машку сильнейшее впечатление. Почему-то мне даже не приходило в голову, что дочь, может быть, впервые услышала мои откровения по поводу собственного отца и узнала, что у мамы с бабушкой тоже не все просто. Слава богу, у Машки – чрезвычайно здоровая психика и прекрасные нервы. При полной поддержке подруг она очень возгордилась мамой «из телевизора». По ее словам, именно тогда она решила стать психологом.

Окончив школу, Маша поступила на психологический факультет университета. Ни с кем из родных она советоваться не стала. Я сама позвонила маме, чтобы выразить тревогу по поводу странной и «ненадежной» будущей специальности ее внучки. Я помнила, как давили на меня при выборе профессии, и просто хотела выслушать мамино мнение. Но мама, к

моему удивлению, заявила, что я должна больше доверять своему ребенку и только помогать исполнению принятых Машей решений.

– Как соотносить эти слова с тем, как ты сама обращалась со мной? – возмутилась я.

– Маша – совсем другое! – резко ответила мама. – Она умная и самостоятельная. Учись у нее!

«Интересно! – подумала я про себя. – Какова бы реакция моей мамы на бредовые обвинения какой-нибудь училки, высказанные в Машкин адрес?» Я вспомнила ту ужасную сцену, когда мама заставила меня непонятно за что извиняться перед Александрой Михайловной. Думаю, что ничего подобного не могло произойти с Машкой. Никогда. Про нее мама как минимум не стала бы ничего слушать!

Я не любила откровенничать с дочерью о своей жизни. И это при том, что мне больше не с кем было поделиться воспоминаниями и мыслями. Только один раз, через много лет после той телепередачи, я подробно рассказала ей про то, как рассталась с Олегом, – но ни понимания, ни сочувствия я не почувствовала. Обычно веселая и доброжелательная Машка помрачнела, даже отвела в глаза. Я испугалась:

– Тебе что, было противно меня слушать? – спросила я терпеливую дочку.

Она в ответ пожала плечами.

– Было, конечно... И что теперь?

– Было?

Честно говоря, я все же ожидала совсем другого.

– А что ты хочешь? – вздохнула дочь. – Ты же мне не посторонний человек! И бабушка тоже не посторонний человек, и дедушка, не вполне человек, конечно, но «Борюсь» мне тоже не посторонний... Какого черта они так жили, и какого черта ты так жила?

– Ну... – я пугливо замялась. – Я же тебе рассказывала. Конечно, мы тоже виноваты, но жизнь была такая...

– Мама! – одернула меня Машка.

– Что «мама»?

– А то, мама, что пи... что морочить мне голову не надо! Сами такую жизнь себе устроили, вот что. Если бы не умерла советская власть, стала бы ты точно такой же, как бабушка Инна, если не хуже. Ты же даже ни разу не влюбились за всю свою жизнь по-настоящему.

– Ты хочешь испортить сегодняшний вечер? – спросила я дочь.

– Нет! Мне за тебя обидно!

– Это всё, что ты хочешь мне сказать?

– Нет, не всё.

– Что еще?

– Еще то, что я абсолютно согласна с твоим бывшим... в общем, с твоим Олегом. Терпеть не могу Достоевского!

Москва – Таба – Дахаб

Из Коломны до санатория мы доехали ровно за сорок минут. Автобус подрулил к самим воротам, я выпрыгнула на утопанный снег и быстрым шагом направилась по аллее, усаженной голубыми елями.

Мамин номер люкс находился в главном корпусе. Зная мамину склонность к простудам и чувствительность к духоте и шуму по ночам, я заплатила двойную цену не только за самый лучший номер с евроремонтом, но и за то, чтобы ее окна выходили на реку и лес, а не на ресторан и дорогу.

К моему удивлению, дверь открыла вовсе не мама, а очень неприветливая жирная тетка. Тетка буркнула, что моей мамы здесь нет и не будет, а где она находится, я должна узнавать в регистратуре, а не «беспокоить отдыхающих больных людей».

Я помчалась в ресепшн, где мне объяснили, что мама потребовала поменять ее с той самой теткой и переселилась в старый корпус «без удобств». Когда-то, в «пионерские годы», этот флигель вообще был нежилым и служил складом инвентаря и библиотекой.

Симпатичная молодая женщина-администратор по имени Зоя рассказала мне, что два дня назад в старом корпусе лопнула батарея, и отдыхающих попросили несколько часов посидеть в столовой, пока отопление починят. Одна из женщин устроила скандал, заявив, что «новые русские» и всякие жида загнали простых людей в сарай, а сами наслаждаются на ворованные деньги. Она орала так, что администраторы собрались даже вызвать милицию, но моя мать, случайно оказавшаяся в столовой, встала и потребовала, чтобы скандалистке отдали ее номер, а сама она поживет в старом корпусе. Несмотря на все сопротивление администрации, обмен состоялся. Причем в качестве благодарности переехавшая тетка рывкнула на маму:

– То-то же! Знает кошка, чье мясо съела!

Администратор попыталась оправдываться передо мной, но я даже не стала слушать. Я слишком хорошо знала маму! Так все и было, несомненно! Зоя вызвалась меня сопроводить и вышла за своим пальто.

Меня буквально тошнило от раздражения. В последний раз со мной такое было, когда я узнала, что мамин «Борюсь», мой никчемный и ничтожный отец, бросил ее. Взял и ушел к какой-то неведомой никому из нас другой женщине. Я тогда не поверила тогда своим ушам: когда мама позвонила и сказала, что папа ушел. Я решила, что папа внезапно умер, а мама просто не смогла сказать об этом прямо.

– Ты испортила мне всю жизнь!

Только эти слова нашел он для женщины, под каблуком которой провел всю молодость и зрелость. Правда, последние несколько лет отец уже не смотрел все время маме в рот. Он только ныл о вреде персональных компьютеров и собирал в папочку досье на Билла Гейтса. Теперь он вместе с новой пассией содержит маленький магазин электроники возле метро «Молодежная» и с удовольствием объясняет клиентам, чем «Асус» лучше «Самсунга».

Я так и не смогла поговорить с отцом после случившегося, он не оставил ни телефона, ни адреса. Лишь однажды, когда он уже работал в своем салоне, я зашла туда. Вначале папа демонстративно отвернулся, но потом все же подошел ко мне и, не глядя в глаза, сказал:

– В моей жизни не было любви. Вы все презирали меня! Вы не видели во мне человека, теперь мне это известно точно! И я не хочу вас больше знать!

Выпалив это, он отвернулся и более не посмотрел в мою сторону. И по тому, как преданно отец смотрел на крашенную пятидесятилетнюю блондинку, стоящую на кассе, я поняла, что на самом деле никогда не имела никакого отношения к этому человеку. Впрочем,

надо отдать должное и ему, и его новой жене – они не покушались на оставшуюся маме квартиру.

Через две минуты Зоя зашла за мной, и мы помчались к маме.

Увиденное привело в ужас нас обеих. Мама лежала в кровати в своем маленьком неуютном номерке и болела. Зоя объяснила мне, что вход в эту комнату раньше был только через улицу. Теперь несколько перестроили, но ничего хорошего все равно не получилось. И вот опять, после того, как батареи, наконец, починили, в корпусе стало нестерпимо жарко. В отличие от люкса, ни о какой регулировке температуры не было даже речи. Промаявшись двое суток, не в силах уснуть от невероятной духоты, мама решила открыть выходявшее на помойку окно и сразу же простудилась. Уже два дня она не только не ходила на прогулки и процедуры, но не могла добраться до столовой. Даже поход в туалет, расположенный в отдаленном необогреваемом конце недавно проложенного коридора, становился для нее непосильным мучением.

У мамы был сильный жар, но, увидев меня, она все же поняла, что я готова наброситься на нее с упреками. Едва шевеля потрескавшимися губами, она прошептала все то же самое, что я слышала всю свою жизнь:

– Почему та женщина, а не я, должна была здесь мучиться? Чем я лучше нее? Мы должны быть, как все. Мы не должны выделяться.

– Почему ты никого не позвала?

Я бросила взгляд на мамин телефон, лежавший на тумбочке возле кровати. Разумеется, он был, как всегда, выключен!

– Почему ты не позвонила мне на мобильник? Почему твой телефон выключен?

– Прекрати!.. – прошептала мама. – Ты же знаешь: я не привыкла никого беспокоить! И тебя... тоже! Я знаю эту комнату давно... я рада, что я сюда вернулась... отсюда всё...

– Мама! Ты бредишь! Ты впервые в этом санатории! Куда ты вернулась? У тебя жар!

Увидев, что творится, Зоя выскочила наружу и бросилась вызывать врача. Через пятнадцать минут она вернулась, таща за собой взволнованную старушку в белом халате с фонендоскопом на шее. К тому моменту я уже не могла ни говорить, ни действовать – я могла только плакать. Вот я и плакала, сидя на единственном колченогом стуле, едва помещавшимся между кроватью и крашеным масляной краской подоконником.

Врачиха немедленно диагностировала у мамы двустороннюю пневмонию. Она категорически оказалась от попыток лечить ее в санатории и сама вызвала «неотложку».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.